

НАЦИОНАЛЬНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР

МАЙКА КОРИТА

ПРОРОК

БЕСТСЕЛЛЕР NEW YORK TIMES

Черный алмаз. Бестселлер New York Times

Майкл Корита

Пророк

«ЭКСМО»

2012

УДК 821.111-312.4(73)

ББК 84(7Coe)-44

Корита М.

Пророк / М. Корита — «Эксмо», 2012 — (Черный алмаз.
Бестселлер New York Times)

ISBN 978-5-04-106152-4

НАЦИОНАЛЬНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР БЕСТСЕЛЛЕР NEW YORK TIMES

Майкл Корита – одна из ярчайших звезд мирового триллера. Он – автор 14 книг, становившихся бестселлерами «Нью–Йорк таймс». Их высоко ценят такие гиганты жанра, как Стивен Кинг, Ли Чайлд, Майкл Коннелли, Дин Кунц, Джеймс Паттерсон, Деннис Лихейн и др. Эти романы переведены более чем на 20 языков и признавались «лучшими книгами года» такими авторитетными изданиями, как «Нью–Йорк таймс», «Уолл стрит джорнал», «Опра мэгэзин», «Пипл», «Ридерз дайджест» и др. Два брата. Трагическое прошлое, преследующее их до сих пор. Оба приняли неверное решение, стоившее жизни их сестре. Один посвятил себя мести. Другой – прощению. И оба платят за свой выбор – гораздо больше, чем могли себе представить... С того времени, как неизвестный похитил и убил их сестру, прошло 20 лет. Адам, старший брат, выбрал профессию частного детектива, нелюдимого и циничного, оказывающего услуги людям из мира криминала. Младший, Кент, стал футбольным тренером, уважаемым членом общины и глубоко верующим человеком. Они не общаются, продолжая винить друг друга за то, что произошло с их сестрой. До тех пор пока не происходит новая трагедия, уже с другой девушкой, потому что оба брата вновь приняли неверное решение... Этот роман – история семейной трагедии, вины и искупления. «Это мастер». Стивен Кинг «Этот роман стоит в моем списке “к обязательному прочтению”». Дин Кунц

УДК 821.111-312.4(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-106152-4

© Корита М., 2012

© Эксмо, 2012

Содержание

Часть I	7
Пролог	7
1	10
2	15
3	18
4	23
5	28
6	33
7	35
8	37
9	42
10	47
11	50
12	53
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Майкл Корита

Пророк

Michael Koryta
THE PROPHET

Copyright © 2012 by Michael Koryta.
This edition published by arrangement with Little, Brown and Company,
New York, New York, USA. All rights reserved

© 2012 by Michael Koryta. This edition published by arrangement with Little, Brown and Company, New York, New York, USA. All rights reserved

© Гольдберг Ю. Я., перевод на русский язык, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

* * *

Комиссару бейсбола – глубочайшая благодарность верному другу

*Я все еще надеюсь на исцеление,
на какое-то лекарство,
всего на один разговор.
Я не могу к тебе вернуться,
ты должна вернуться ко мне,
таков уговор.
Прости.
Я прошу у тебя прощения?*

Мэтью Райан «Вернись ко мне»

Часть I Обеты

Пролог

Город сразу кажется родным, и виной тому листья. Наверное, сегодня день сбора опавшей листвы. На обочинах лежат груды полиэтиленовых мешков, лопающихся от увядших остатков того, что когда-то было живым; некоторые из мешков порвались, и на белых плитах тротуаров яркие пятна листьев, алые и рыжие, похожи на брызги крови на бледной коже. Воздух пропитан их густым запахом, но это запах смерти.

Прохожие опускают головы и горбятся – черепахи, прячущиеся в панцирь. Он идет, выпрямившись во весь рост, наслаждаясь холодным ветром, которому не мешают ни бетонные стены, ни ограждение из колючей проволоки. И он благодарен за это. В городе есть и другие люди, испытывающие похожие чувства, помнившие те дни, когда у них не было возможности подставить лицо ветру, даже если они скучали по нему, пусть резкому и холодному. Кое с кем из них он знаком и знает, что иногда именно эти воспоминания – реальность – гнали их сюда ради шанса спрятаться от прошлого.

На первый взгляд этот город – превосходное место, чтобы укрыться и от реальности: невероятно старомодный, с настоящей городской площадью и кирпичным зданием суда. Если б не пустующие здания, он мог бы служить декорацией для голливудского фильма об американской глубинке. На фасадах, обращенных к зданию суда, в половине пыльных окон выставлены объявления «Аренда» или «Продается». Он удаляется от площади, двигаясь на север, к озеру, аккуратно обходит туго набитые мешки с листьями, и ему то и дело попадаются нежилые дома с некогда ухоженными дворами, которые теперь заросли бурными сорняками, и с пластиковым сайдингом, нуждающимся в тугой струе из шланга и моющем средстве.

Тяжелые времена пришли в Чамберс, штат Огайо.

В пяти кварталах к северу взгляду открывается озеро, и неослабевающий ветер гонит навстречу запах воды. Дорогу к средней школе можно найти по указателям: он поворачивает на запад, проходит еще несколько кварталов – и наконец видит ее. Двухэтажное главное здание с одноэтажными крыльями, отходящими под необычными углами, – эти пристройки появились за минувшие годы.

Средняя школа Чамберса, родной дом «Кардиналов».

Птица с названием «кардинал» была третьим существом, которое он убил. Поймал ее под кормушкой у дома бабушки. Он с восхищением наблюдал, как кошка подходит к решению этой задачи. Кошка не пряталась; она просто ждала, с потрясающим, невероятным терпением. Под кормушкой не было никакого укрытия, ничего, за чем мог бы спрятаться убийца, – но все же убийца добился своего. Когда кошка приближалась к кормушке, птицы разлетались. Но кошку это не обескураживало – она нисколько не сомневалась в своих действиях, проявляя необычную целеустремленность. Животное просто устраивалось под кормушкой среди россыпи упавших семечек подсолнуха и ждала. И птицы обязательно возвращались. Они прекрасно видели кошку, но ее неподвижность обманывала их, внушала уверенность, что здесь безопасно. Кошка никогда не реагировала на первых птиц. Она ждала и наблюдала, и в конечном счете птицы совсем теряли бдительность, и одна из них подходила достаточно близко, после чего следовал молниеносный удар, а остальные птицы, окружавшие жертву, разлетались в разные стороны.

Значит, нужно просто дать им время? И они возвращаются. Всегда. Потому что здесь кормушка, а кормушка – их дом, и даже если они помнят, какая судьба постигла их собрата на этом месте, никто не верит, что такое может произойти и с ними.

Непоколебимая уверенность. Непоколебимая глупость.

Его восхищает уверенность беспомощных. Он не любит тех, кто боится.

Первая птица потребовала больше времени, чем на это ушло у кошки, но не так много, как он думал. Секрет – в неподвижности. Секрет – в их глупости. Понадобилось всего пять дней, чтобы поймать кардинала. Потом он убил кошку. Она уже ничему не могла его научить.

Подобным стремлением учиться и терпением обладает лишь тот, кто по-настоящему предан своему ремеслу. Его ремесло – убийство. Он прекрасно знает свое дело, но понимает, что всегда есть чему еще учиться и что именно это знание делает его счастливым. Он изучал поведение убийц, разговаривал с ними, жил вместе с ними за стальными прутьями решетки, учился у них.

Теперь, когда ветер усиливается и запах мертвых листьев наполняет воздух, который быстро охлаждается, обещая дождь, он долго смотрит на фасад школы, замечает охранника на парковке, а затем идет вдоль квартала и поворачивает за угол, откуда открывается вид на футбольное поле. Здесь «Кардиналы» пытаются пробиться к славе. Дурацкое название для спортивной команды. Почему не «Воины», «Титаны» или «Тигры»? Разве можно обрести уверенность в себе, когда на тебе свитер с названием птицы, которую могут убить детские пальцы?

На алюминиевых креслах трибун по периметру поля сидят несколько человек. Сегодня он не единственный зритель. Они не знают поражений, эти «Кардиналы», – главная гордость города, у которого прежде для гордости было гораздо больше причин.

Он подходит к полю, останавливается у трибун и, сунув руки в карманы, ждет, когда появится тренер. Разумеется, это не просто тренер. Он выиграл 153 матча для своей школы, для своего города. А проиграл всего двадцать два. На этом поле, по которому под серым небом навстречу ветру бегут игроки, он одержал восемьдесят одну победу, потерпев четыре поражения. Он не просто тренер, а народный герой. Мифическая фигура. И не только из-за побед на поле. О нет. Кент Остин – это не только футбол.

Он доказывает это теперь, когда все умолкают, и Кент идет по полю, все еще молодой и крепкий, едва заметно хромя, – левое колено не успевает за правым, каждый раз сгибаясь слишком сильно. Но это лишь добавляет облику тренера убедительности. Все остальные видят его травмы, а тренер делает вид, что не замечает их.

Когда Кент Остин идет по полю, умолкают не только юные игроки, но и люди на трибунах, зрители. Они испытывают благоговение, потому что происходящее на этом поле имеет огромное значение даже для тех, чья нога ни разу не ступала на него. Вы гордитесь тем, что имеете, и в данный момент источник гордости находится именно здесь. Потому что в Чамберс пришли трудные времена. Он это чувствует – подобно тому, как синоптик предсказывает погоду по облакам, стремительно бегающим по небу от озера Эри. В каком-то смысле он тоже предсказатель.

Пророк трудных времен.

Тренер слишком сосредоточен и не поднимает голову, не видит его – тренер работает, поглощен игрой, которая, по его словам, не имеет значения, хотя на самом деле она для него очень важна, потому что в конечном счете ничего другого у него нет. Тицетные игры и тицетные надежды. Пустые слова и ложные обещания. Детские увлечения и забавы, тщательно выстроенные стены, отделяющие его от реальности мира, от которого он полностью зависит и который несет его на раскрытой ладони, способной быстро превратиться в сжатый кулак. Ему нужно почувствовать, когда начинают сжиматься пальцы этого кулака.

Пророк провел три года с убийцей по имени Зейн, который лишил жизни свою жену и ее родителей с помощью десятизарядного дробовика. Довольно неаккуратное оружие, этот десятизарядный дробовик. Перед тем как спустить курок, Зейн дал всем троим шанс отвергнуть Бога. Сказать, что Зейн – их Бог. Многообещающая идея, хотя и неверно понятая. Ум Зейна был недостаточно глубок для такой задачи, но попытка тем не менее достойна восхищения. По словам Зейна, две жертвы признали его Богом, а одна – нет. Естественно, их судьба от этого не изменилась, но Зейна интересовали их ответы – как и пророка. В какой-то момент он был даже впечатлен. Мысль о том, чтобы поставить этот вопрос перед человеком за несколько секунд до перехода в вечность выглядела привлекательно.

Хотя теперь он уже в это не верит. Размышления помогли ему увидеть слабость и абсолютную бесполезность этой идеи. И сам вопрос, и ответ на него не имели значения. Важно было то, чего не мог видеть Зейн, – он был импульсивным человеком, этот Зейн. Следовало решительно выбросить этот вопрос из головы и заменить его уверенностью.

Бога нет.

Ты проходишь свой путь один, во тьме.

Цель – отпечатать это в мозгу настолько прочно, чтобы погасить даже искру альтернативы. Тогда приходит сила, чистая и беспримесная.

Приведите ему исполненных надежды, и он доведет их до отчаяния. Приведите к нему сильных, и он их ломает. Приведите к нему наполненных, и он опустошит их.

Цель пророка проста. Когда в ночи прозвучит последний крик, издавший его будет твердо уверен в одном.

Никто не услышит.

Городу Чамберс, штат Огайо, он обещал силу и гибкость. Он взглянул в глаза уверенного человека и услышал его слова, что нет такого страха, который не склонился бы перед его верой.

Пророк трудных времен, повидавший на своем веку много уверенных взглядов, сомневался в этом.

1

Когда девушка открыла дверь, Адам, задрав рубашку, рассматривал здоровенный лиловый синяк на ребрах. Она испуганно отвернулась, как будто он голым сидел на корточках на своем письменном столе. Адам еще раз окинул взглядом синяк, нахмурился и опустил рубашку.

– Хотите мудрость дня?

Девушка – брюнетка с очень смуглой кожей, слишком смуглой для этого времени года в этой части мира – нерешительно повернула голову к нему, но промолчала.

– Если вы собираетесь сказать пьяному, что пора возвращаться в тюрьму, сначала забегите у него бильярдный кий, – сообщил Адам.

Девушка приоткрыла губы, словно собиралась ответить, затем снова сомкнула их.

– Это не имеет к вам отношения, – сказал он. – Прошу прощения. Входите.

Она перешагнула порог и отпустила дверь, которая захлопнулась за ее спиной. Когда щелкнул замок, оглянулась, словно боялась оказаться запертой в комнате вместе с Адамом.

«Муж на добрых десять лет старше, – подумал Адам. – Не бил ее – во всяком случае недавно, – но вполне способен. Вероятно, обвинения не связаны с домашним насилием. Скажем... пьянство и нарушение общественного порядка. Освобождение обойдется недорого. По крайней мере, в долларах».

Адам обошел письменный стол и протянул девушке руку.

– Адам Остин.

Еще одна нерешительная пауза, после которой девушка ответила на рукопожатие. Ее взгляд скользнул по костяшкам его пальцев, сбитым до крови и распухшим. Когда она отняла руку, Адам увидел на ногтях ярко-красный лак с серебристыми блестками.

– Меня зовут Эйприл.

– Понятно. – Он опустился в кожаное вращающееся кресло позади стола, стараясь не морщиться от боли в боку. – У кого-то, кто вам не безразличен, небольшие неприятности, да, Эйприл?

– Что? – Она слегка наклонила голову.

– Полагаю, вам нужно поручительство за явку в суд?

Девушка покачала головой.

– Нет. Другое.

В левой руке она держала папку, которую теперь подняла и прижала к груди, усаживаясь на один из двух стульев перед письменным столом. Это была ярко-синяя папка, пластиковая и блестящая.

– Нет?

Табличка на двери гласила: «АО Поручительство под залог». Люди приходили к нему именно по этой причине.

– Послушайте, вы ведь детектив, да?

Детектив. У него действительно имелась лицензия частного детектива. Только он не помнил, чтобы его когда-нибудь так называли.

– Ну... да. Нечто вроде.

Адам сомневался, что в телефонной книге он значился как частный детектив. Его агентство назвалось «АО Поручительство под залог»; название включало его инициалы и позволяло занимать выгодную позицию на «Желтых страницах», к которым люди с дрожащими руками обращались в поисках помощи.

Девушка молча посмотрела на блестящую папку, как будто в ней содержались тайны ее жизни. Адам осторожно коснулся пальцами левого бока, все еще пытаясь определить, сломаны ли у него ребра или это просто ушиб.

– Почему вы пришли именно сюда, Эйприл?

– Я слышала... Мне порекомендовали.

– Порекомендовали, – повторил он. – Могу я спросить, кто?

Девушка заправила прядь волос за левое ухо, подалась вперед и впервые посмотрела ему в глаза, словно наконец-то обрела уверенность.

– Мой бойфренд. Ваш брат тренирует его футбольную команду. Он говорил, что вы – детектив.

– Мой брат? – бесстрастным голосом переспросил Адам.

– Да. Тренер Остин.

– Кент, – сказал он. – Мы не в его команде, Эйприл. Можем называть его Кентом.

Она кивнула, но, похоже, ей не слишком понравилась эта идея.

– Мой брат дал вам рекомендацию, – произнес Адам, немного развеселившись, несмотря на боль в ребрах, распухшую руку и глаза, слезящиеся после целой недели работы допоздна и алкогольных излишеств. Если б не девушка, он через две минуты запер бы кабинет и отправился за чашкой черного кофе. Самой большой чашкой самого крепкого кофе, которую можно только найти. Начиналась жуткая головная боль, и чтобы справиться с ней, одного «Адвила» недостаточно.

– Точно. – Ее как будто не удовлетворил его ответ, словно она ждала, что упоминание о брате поможет установить контакт. – Я учусь в колледже Болдуина-Уоллеса. Старший курс.

– Жуть, – сказал Адам.

– Это хороший колледж.

– Никогда не сомневался. – Он пытался сосредоточиться на девушке, но в данный момент воспринимал ее только как препятствие между собой и кофе. – Что у вас в папке?

Девушка опустила взгляд, словно Адам вторгся в персональное пространство папки.

– Письма.

Адам ждал. Сколько это еще продлится? Он привык продираться через личные истории клиентов, выслушивать которые не имел никакого желания, привык отбиваться от рассказов о несчастьях, но у него не хватало терпения вытягивать эти истории, прежде чем отбиваться от них.

– Что именно вам нужно, Эйприл?

– Я хочу найти своего отца.

– Вы не знаете, кто он?

Спросив это, Адам подумал, что с такой задачей ему не справиться, даже если б он ею заинтересовался. Как, черт возьми, найти человека, бросившего своего ребенка, когда прошел уже не один десяток лет? Это тебе не гоняться за сбежавшим из-под залога парнем, за которым тянется свежий след из друзей, родственников и имущества.

– Я его знаю, – ответила девушка. – Только он был... в общем, к тому времени, как я достаточно подросла, чтобы познакомиться с ним поближе, он уже сидел в тюрьме.

Теперь Адам понял, почему она посчитала нужным сообщить, что учится в хорошем колледже. Ей не хотелось, чтобы его представление о ней формировал лишь один этот факт: знание, что ее отец в тюрьме.

– Понятно. В таком случае нам не составит труда выяснить, где он теперь.

– Он отсидел. Освободился.

Черт. Это осложнит дело.

– У меня есть, – сказала слишком смуглая для октября девушка, – несколько писем. Мы начали переписываться, когда он еще сидел в тюрьме. На самом деле это была идея вашего брата.

– Неужели? – Адам изо всех сил старался скрыть отвращение. Да, конечно, именно это и нужно девушке – отношения с каким-то ублюдком из тюремной камеры. И Кент придумал превосходный план. За эти годы газеты много раз писали о визитах брата в тюрьмы. «Движимый прошлым», – гласил один из заголовков. Адам считал это очевидным. Все люди всегда движимы своим прошлым. Играло ли прошлое Кента какую-то роль в его визитах в тюрьмы? Конечно. Играло ли их общее прошлое какую-то роль в визитах в тюрьмы самого Адама? Скорее всего. Только визиты были разные.

– Да. И это была чудесная идея. Я хочу сказать, что смогла простить его, понимаете? А потом понять, что он вовсе не чудовище, а человек, совершивший ошибку, и...

– Он перестал писать, когда освободился?

Девушка умолкла на полуслове.

– Нет. Да, на какое-то время. Но это просто адаптация.

– Совершенно верно, – сказал Адам. *Именно поэтому большинство из них возвращается в тюрьму.* Черт, она же совсем девчонка. Неужели так выглядят старшекурсницы колледжа? Кажется, он стареет. Похоже, эти девушки ускользают от тебя так же быстро, как ты стареешь, и что их юность становится невозможно осознать.

– Да. – Эйприл была довольна, что он с ней согласился. – В общем, прошло какое-то время. Пять месяцев. Я переживала, но потом пришло письмо, в котором он сообщил, что освободился, рассказал, как ему было трудно, и извинился.

Кто бы сомневался. Еще не попросил денег?

– Так что теперь он пишет, но не говорит свой адрес. Пишет, что боится встречи со мной, и я его понимаю. Я не хочу форсировать события. Но мне нужно хотя бы написать ему, понимаете? И я не хочу, чтобы он... боялся меня.

Адам подумал, что кофе, наверное, ему уже не нужен. Пожалуй, лучше пиво. Четыре часа дня. «Счастливым час» уже совсем скоро.

– Наверное, ему нужно немного времени, – сказал он. – Вы могли бы...

– Я не буду торопиться. Но не смогу больше ничего для него сделать, если не отвечу на его письма.

В том-то и смысл, милая. Время и расстояние – вот и все, что нужно ему дать.

– Он описал, где живет, – продолжила Эйприл. – Честно говоря, сначала я подумала, что справлюсь сама. Попробовала поискать в Интернете, но, похоже, переоценила себя. В общем, я бы хотела, чтобы вы нашли адрес. Мне нужно только ответить на письмо, понимаете? Сказать, что он не должен меня бояться. Я не собираюсь просить, чтобы он становился *папой*.

Адам потер глаза.

– Я занимаюсь в основном... местными делами. У меня редко...

– Он в городе.

– В Чамберсе?

Девушка кивнула.

– Он местный?

Ответ на этот трудный вопрос потребовал размышлений.

– Мы все отсюда. Моя семья. Я хочу сказать, потом все уехали – я в колледж, а...

А твой отец в тюрьму. Да, все уехали.

Эйприл открыла папку и достала копию письма.

– Здесь он называет имя домовладельца. Его ведь будет несложно найти в реестре, правда? Отец снимает жилье, и тут есть имя хозяйки. Это будет просто.

Действительно, просто. Заглянуть в кабинет аудитора и получить список собственности, записанной на имя этой женщины.

– Может, пусть все идет своим чередом? – предложил Адам.

Глаза девушки сверкнули.

– У меня есть много знакомых, которые знают об этой ситуации и могут дать мне *совет*. От вас мне нужен *адрес*.

Наверное, он должен был разозлиться, но почему-то с трудом сдержал улыбку. Адам не ожидал такого отпора – после того, как она неуверенно проскользнула в кабинет и испугалась звука захлопнувшейся за ее спиной двери. Лучше б она пришла, когда здесь Челси. Нельзя сказать, что Челси проявляет чрезмерную мягкость, но так было бы лучше. Кто-то должен выставить ее отсюда, а Адам всегда плохо справлялся с такими делами.

– Достаточно откровенно, – сказал он. – Можно взглянуть на письмо?

Девушка протянула листок. Набрано на компьютере, не больше четверти страницы.

Дорогая Эйприл!

Я понимаю, что ты на меня сердисься. Мне потребовалось время на адаптацию, вот и всё. Я такой, какой есть, и не хочу, чтобы ты ждала от меня большего. В данный момент я скажу лишь, что радуюсь возвращению домой. И немного боюсь. Вероятно, это тебя удивит. Но вспомни, что я довольно давно здесь не был. Я был в другом месте. Конечно, свобода – это потрясающе, но только поначалу все необычно и ново. Я снимаю дом с протекающей крышей и камином, который дымит, когда его разжигашь, но для меня это настоящий замок. Миссис Рузич – моя хозяйка – постоянно извиняется и говорит, что все починит, а я отвечаю, что можно не спешить, потому что это не доставляет мне неудобств. И я не лгу.

Это мое любимое время года здесь. Осень – это так красиво... Тебе ведь нравится, как пахнут листья, правда? Надеюсь, у тебя все хорошо. Надеюсь, ты не слишком расстроена моим поведением. Береги себя.

Джейсон (папа).

Адам прочел письмо и вернул листок девушке. Он не сказал того, что хотел: «Пусть все идет своим чередом, не торопи встречу, потому что она не принесет тебе ничего, кроме страданий», – поскольку этот аргумент уже был решительно отвергнут. В любом случае имя хозяйки облегчает задачу. Рузич? Не слишком распространенная фамилия.

– Я просто хочу черкнуть ему пару строк, – повторила Эйприл. – Сказать, что не желаю ему зла и что ему не стоит волноваться насчет моих ожиданий.

«Определенно, пиво, – подумал Адам. – Совершенно точно, нужно пропустить кофе и перейти прямо к пиву».

– Можете узнать для меня адрес? – спросила девушка.

– Вероятно. Я беру почасовую оплату – не больше и не меньше. И не отвечаю за результат. Единственное, что я гарантирую, – свое время.

Она кивнула и достала кошелек.

– Я готова заплатить двести долларов.

– Давайте сотню. Расценка – пятьдесят долларов в час. Если это займет больше двух часов, я вам сообщу.

Вообще-то, он брал сто долларов в час, но работа вряд ли потребует больше двадцати минут, а показная щедрость ему не повредит.

– Хорошо. – Эйприл отсчитала пять двадцатидолларовых купюр, положила на стол и подвинула к нему. – И еще кое-что... Вы ведь обязаны сохранять конфиденциальность, да? Как адвокат?

– Я не адвокат.

Похоже, она испугалась.

– Но и не болтун, – прибавил Адам. – У меня своя жизнь, у вас своя. Я буду молчать, если только полиция не войдет в эту дверь и не прикажет мне говорить.

– Этого не случится.

Она понятия не имела, как часто это *случалось* с клиентами Адама.

– Просто хочу быть уверена... это личное, понимаете, – сказала Эйприл. – Это личное дело.

– Я не публикую пресс-релизы.

– Конечно. Но вы ничего не скажете... э-э... своему брату? Не поймите меня неправильно, я очень уважаю тренера Остина, но... это личное.

– Мы с Кентом не слишком много общаемся, – сказал Адам. – Я просто найду вероятный адрес и сообщу вам. Остальное – ваше с отцом дело.

Она благодарно кивнула.

– Как с вами связаться?

Девушка продиктовала ему номер сотового телефона, который он записал в блокнот. Рядом написал имя *Эйприл*, затем вопросительно посмотрел на нее.

– Фамилия?

Она нахмурилась, и Адам понял, что ей не хочется этого делать. Если она по-прежнему носит фамилию отца, в чем он не сомневался, то боится, что Адам узнает, за что тот угодил в тюрьму.

– Харпер, – сказала она. – Но помните, что это...

– Личное. Да, мисс Харпер. Я понимаю. Мне каждый день приходится иметь с этим дело.

Девушка поблагодарила его и пожала руку. От нее пахло кокосом, и он подумал об этом и о ее загорелой коже и решил, что она только что из солярия. Октябрь на севере Огайо. Все хорошенькие девушки сражаются с холодом и темнотой. Пытаются перенести лето в зиму.

– Я буду на связи, – сказал он на прощание, дождался, пока заработает двигатель ее машины на парковке, запер кабинет и отправился за пивом.

2

Кент знал: все они это слышали и читали. Это их сезон, судьбоносный, и они слишком хороши, чтобы проиграть.

Его задача – заставить их забыть об этом.

На этой неделе это будет чуть труднее. В пятницу они играли с сильной, классной командой – и легко справились с соперником, 34:14, завершив первый безупречный сезон в истории школы. Они выиграли все статистические битвы, и хотя Кент не верил, что стоит уделять большое внимание статистике, но знал, что мальчики пристально следят за цифрами, и с готовностью использовал эту тенденцию против них. В течение четырех коротких дней до следующего матча, первой игры из серии плей-офф, обязательно будут собрания болельщиков, телевизионные камеры и футболки в честь беспроигрышного сезона.

Все это пугало его больше, чем любой противник. Самоуверенность смертельно опасна.

Поэтому, зная, что их уверенность будет трудно поколебать, понимая, что ребята мечтают о первой за двадцать два года победе в чемпионате штата – без единого поражения, он придумывал тренировки, которые выявят их слабость.

Колин Мирс станет лучшим ресивером штата второй год подряд. Колин, самый быстрый из всех парней, которых Кент натаскивал на этой позиции, на тренировках будет пробегать маршруты с улыбкой на лице. Но вот долго сохранять улыбку во время блока у него не получится. С его долговязой худощавой фигурой трудно согнуться достаточно быстро и достаточно низко, чтобы поставить эффективный блок, и защитники «Кардиналов» с удовольствием это ему демонстрировали. Особенно Деймон Риттер, один из самых любимых игроков Кента за все времена, тихий чернокожий паренек с непревзойденной способностью переносить игровые схемы из головы на поле, самый талантливый из центральных защитников, которые только были у Кента. Лорелл Маккой тоже будет лучшим квотербеком штата второй год подряд. У него имелась черта, которая не часто встречается у квотербеков школьных команд – при необходимости он мог нестись стрелой или зависать в углу зачетной зоны, так что у ресивера всегда оставалось время, чтобы занять позицию. А вот в скорости Лорелл не мог тягаться с Колином. Он обладал способностью оставаться в кармане и видеть бреши, что обеспечивало продвижение в центре, но не годилось для рывка. Поэтому при обманном маневре, когда Лорелл ловит поданный мяч и, симитировав пас, устремляется к зачетной зоне, ему всегда не хватает скорости, чтобы завершить атаку; именно при таком маневре Колин Мирс вынужден ставить блок, что он больше всего не любит.

Последние двадцать минут тренировки они отрабатывали обманный маневр.

Кент не рассчитывал, что в пятницу вечером в игре против «Спенсер Хейтс» успех принесет именно этот маневр, но он собирался победить «Спенсер Хейтс» и считал важным напомнить парням о том, что они *не могут*. Его непобедимая команда должна уходить с тренировки с ощущением своего несовершенства. Победу в футбольном матче приносит труднодостижимый баланс. Уверенность в себе жизненно необходима, самоуверенность смертельна. Успех живет на тонкой грани между ними.

С трибун за тренировкой наблюдали тридцать человек. Было холодно и ветрено, но они не уходили. В программе значились такие таланты, как Мирс, Риттер и Маккой, – равные им в Чамберсе появятся не скоро. Это Кент понимал лучше кого бы то ни было. Он занимал должность главного тренера уже тринадцать сезонов и дважды добирался до финальной игры чемпионата штата. Такой команды у него никогда не было.

Глядя на парней, он мечтал скорее увидеть в воздухе освещенный прожекторами мяч. Мечтал об игровом дне. И сам себя не узнавал. Как и большинству тренеров, ему всегда не хватало одного тренировочного дня. Невозможно быть полностью готовым к игре. Но на этой

неделе, в этом сезоне, с этой командой?.. Кент поймал себя на желании быстрее оказаться в свете прожекторов. Чтобы все быстрее закончилось, а потом началось снова. Неужели он не сможет заполучить этот ускользающий титул чемпионов штата с *такими* талантами?

Это игра, в которую играют мальчишки, напомнил он себе, когда Мэтт Байерс, отвечавший за подготовку защитников, вышел на середину поля, чтобы напомнить о давлении на противника. *Твоя задача – использовать игру, чтобы помочь этим мальчишкам. Ты здесь не для того, чтобы добыть чемпионский кубок. Никогда не был и никогда не будешь. Отсутствие кубка ничего не говорит о твоей ценности как человека – как и его наличие.*

Но в этом сезоне?.. В этом сезоне помнить об этом было трудно.

Он позволил Байерсу исполнить свою роль, подозвал к себе команду, и, когда все – сорок семь игроков и шесть тренеров – собрались вокруг него, объявил об окончании тренировки.

– Не задавайтесь. Опустите голову. – Кент повторил слова, которые говорил после каждой тренировки и каждого собрания в раздевалке до окончания сезона. Потом он сказал, чтобы все подняли голову и держали ее высоко. Но только потом.

Формально тренировка закончилась, но Кент вышел на середину поля, и большая часть команды последовала за ним. Он не просил их этого делать, что было очень важно – четыре года назад после жалобы кого-то из родителей школьный совет поставил перед ним такое условие. Ему было сказано, что молитва со школьной командой нарушает принцип отделения церкви от государства. Он не может требовать этого от своих игроков. И он не требовал. Кент молился в конце каждой тренировки, но участие было добровольным.

Игроки преклонили колено, и Кент прочел короткую молитву. Футбол в ней не упоминался. Ни раньше, ни теперь, ни в будущем – и не должен. Ближе всего к этой теме он подошел в тот момент, когда молился об их здоровье, хотя в этом сезоне, слушая слова, слетавшие с его губ, иногда ловил себя на том, что подходит слишком близко. Теперь ему захотелось сделать свою просьбу конкретной: «Боже, только не колено Дэймона. Господи, присмотри за бросковым плечом Лорелла...» Глупые желания, за которые он будет упрекать себя, когда останется один, но от них никуда не деться.

Потому что этот сезон...

– Аминь, – произнес Кент, и это слово эхом пробежало по рядам мальчиков.

Все поднялись на ноги и бегом направились в раздевалку – ни один игрок никогда не выходил на поле и не покидал его шагом, только бегом. Кент смотрел, как Колин Мирс сворачивает к своей подруге Рейчел Бонд, которая ждала у барьера. Быстрый поцелуй, на удивление целомудренный для переполненных гормонами подростков, и парень присоединился к остальным. Такого отступления от заведенного порядка Кент обычно не позволял, но теперь напомнил себе, что его игроки – не просто шестеренки в футбольной машине. Этой девушке пришлось несладко, и Колин для нее – свет в окошке. Кент очень хотел, чтобы все были такими, как Колин, – не только в футболе, но и в жизни.

Помощники последовали за командой в раздевалку, а Кент направился прямо к парковке. Тоже нарушение обычного порядка, но сегодня у него еще есть дела. Тюрьма ждет.

Позади зачетной зоны стоял, сунув руки в карманы, местный священник Дэн Гриссом. Вместе они поедут в Мэнсфилд, одну из самых больших тюрем штата, где Кент побеседует с группой заключенных. Они немного поговорят о футболе, немного о семье. Кент слегка поморщился, увидев фигуру Гриссома – как напоминание об обязанности. Честно говоря, лучше бы отложить визит до окончания сезона, когда закончится серия плей-офф. Но долг есть долг. У него не бывает выходных.

– Они отлично смотрятся! – сказал Дэн, как всегда исполненный энтузиазма, и Кент слегка улыбнулся, потому что Дэн ничего не понимал в футболе. Но умел поддерживать людей.

– Так и должно быть, – ответил тренер. – В это время года.

– Просто не верится, что столько народу приходит на обычные тренировки...

Кент оглянулся на трибуны, увидел множество лиц, знакомых и нет. По мере того как приближалось окончание сезона, количество побед росло, а поражений все не было, и зрителей становилось больше. Определенно, больше незнакомцев, желающих знать, что есть у «Кардиналов». На что они способны.

– Это важно для города, – согласился он.

– Мы с Элис хотели бы пригласить тебя, Бет и детей на ужин, – сказал Дэн. – Отпраздновать удачный сезон.

– Давай подождем до его окончания.

– Я имел в виду, что пока все идет хорошо, – сказал Дэн, и Кенту показалось, что тот почувствовал некоторую неловкость, словно не верит, что сезон закончится так же хорошо, как начался.

– Спасибо. Но ужин сейчас – тяжеловато. После тренировки...

– Поесть можно позже. Пусть дети поиграют вместе. Ведь Сара с Лайзой одноклассницы. Думаю, они поладят.

– После тренировок я смотрю видеозапись, – сказал Кент. Уловив во взгляде священника нечто среднее между разочарованием и упреком, он прибавил: – Извини, Дэн. Но в это время года я становлюсь немного... раздражительным. Не слишком подходящая компания для застольной беседы. Давай, когда все закончится, ладно?

– Договорились. – Дэн кивнул. – Мы устроим ужин после окончания сезона. Независимо от результата – победа, поражение или ничья.

«Ничьей быть не может, Дэн, – подумал Кент. – По крайней мере, в серии плей-офф. Победа или поражение».

На парковке они поравнялись с Рейчел Бонд, которая посмотрела на Кента, улыбнулась и подняла руку. Он кивнул и приложил два пальца к козырьку бейсболки. Эта девушка – настоящее сокровище. Отец в тюрьме, мать алкоголичка, – но Рейчел сумела это преодолеть. Невозможно поверить, что пришлось перенести некоторым из этих детей...

Но жизнь? Она выдаст вам билет только в обмен на страдания. Кент знал это, как никто другой. Именно поэтому он отдавал всего себя игре. Иногда тебе нужна игра – разуму, телу, душе. Это он понял еще много лет назад.

3

В былые времена в округе Чамберс выплавлялось больше стали, чем в остальных сорока шести штатах. Здесь находились заводы пяти ведущих компаний, которые экспортировали свою продукцию во все уголки мира, а на сталелитейную промышленность приходилась половина рабочих мест округа.

Теперь от этих времен остались одни воспоминания.

Сталелитейная промышленность ушла, а через двадцать лет после появления первых признаков упадка и через десять после закрытия последнего завода замены ей так и не нашли. На протяжении многих лет безработица в Чамберсе была одной из самых высоких в штате, и все, кто мог уехать отсюда, уехали. С 50-х годов число жителей города уменьшилось на двадцать пять процентов – уникальный случай для страны с постоянно растущим населением. Промышленный город, обнаруживший, что ему нечего производить.

Данные переписи свидетельствовали о сокращении населения округа, но население окружной тюрьмы, наоборот, росло. Ее два раза перестраивали и расширяли. Основа несчастий города – экономические трудности и безработица – также составляли основу бизнеса Адама. В последнее время в Чамберсе процветали лишь две вещи: школьный футбол и поручительство под залог.

Дел было много, и Адаму приходилось расставлять приоритеты. Тут все очень просто. Сбежавший из-под залога на сумму 10 000 долларов, а не девушка с сотней баксов, которая разыскивает отца. Эйприл Харпер удостоилась всего одного звонка, на следующее утро после ее визита. Девушка не ответила, и Адам оставил сообщение, проинформировав ее, что в городе есть всего одна женщина по фамилии Рузич, которая может сдавать жилье. Ее звали Элеонор, и она владела двумя домами: один оценивался в триста тысяч, что дорого для Чамберса, а второй находился довольно далеко от города, на берегу маленького частного озера, и, скорее всего, используется только летом. Если она сдавала дом с протекающей крышей и дымящим камином, сказал Адам, то, скорее всего, это коттедж у озера по адресу: 7330 Шедоу-Вуд-лейн.

Он сказал, чтобы Эйприл перезвонила, если у нее есть вопросы, затем сделал секундную паузу, борясь с искушением еще раз напомнить ей, что вышедший из тюрьмы отец хотел одностороннего общения и лучше бы ей согласиться на это. Но потом вспомнил, что сотня долларов, лежащая у него в кармане, была уплачена за адрес, а не за совет, и отключился. Адам не позволил себе взглянуть на уголовное досье Джейсона Харпера, поскольку знал, что за этим последует. Ему захочется сказать клиентке: «Твой отец опасен, и тебе следует держаться от него как можно дальше». В отличие от брата, он не занимался психотерапией на общественных началах.

Обычный человек – обычный клиент, если быть точным, – воспринимал Адама как часть системы защиты в уголовном деле. Вам нужен адвокат, чтобы отбиться от обвинений, и вам нужен поручитель, чтобы не сидеть в камере, пока адвокаты играют в свои игры. В этой роли Адам соответствовал общепринятым представлениям: он помогал временно оставаться на свободе.

Главное слово – временно. Адам не считал себя какой-либо частью системы защиты. Он был тюремщиком без тюрьмы. Конечно, приговоры еще не вынесены, но обвинения уже предъявлены. После того как преступники округа Чамберс наскребали достаточно денег для залога, они выходили на свободу, и начинался процесс откладывания судебных заседаний и выработки соглашений между обвинением и защитой, целью которого было сохранение этой свободы. Могло сработать, а могло и нет. А пока шел этот процесс, обвиняемые принадлежали Адаму. Они не были свободны – они находились в его власти. За девятнадцать лет более трех

сотен его клиентов сбежали из-под залога. Он не нашел лишь четверых. Неплохой результат. А эти четверо... Бывало, он ловил себя на том, что скрипит зубами, вспоминая их.

Весь процесс поручительства под залог был типично американским. Частному бизнесу разрешено платить залог за освобождение из-под стражи до суда всего в двух странах – в Америке и на Филиппинах. Критика этой идеи основана на том факте, что часть залога для выхода из тюрьмы не подлежала возврату, а это несправедливо по отношению к невиновным. Адама никогда не интересовали нравственные аспекты его профессии. Его интересовало только обещание, содержащееся в каждой сделке освобождения под залог, которую он заключал: в назначенный день его подопечные должны предстать перед судом. Возможно, это скромная роль, и вряд ли ее можно назвать привлекательной, но она важна. И Адам знал, до какой степени.

К концу недели его интерес к Эйприл Харпер начал ослабевать. В четверг, когда проходили заседания уголовного суда округа Чамберс, двое из его подопечных не явились на слушания. Один из них третий раз обвинялся в управлении автомобилем в нетрезвом состоянии. У второго обвинения были более серьезными, и ему грозила тюрьма за торговлю оксикотином и викадином¹. Многие люди просто не представляют, как можно не явиться на заседание суда по уголовному делу. Они думают, что после этого за вас примется полиция: дом окружают машины с детективами, на пороге появится спецназ. Полиция будет энергична и неутомима, пока не поймает сбежавшего обвиняемого. В большинстве случаев этого не происходит. Слишком много ордеров, слишком много заключенных, слишком много дел в судопроизводстве. Полиция перегружена работой, тюрьмы переполнены, и, если вы не явитесь на заседание суда по вашему делу, правоохранительные органы не обязательно будут вас искать – разве что вы обвиняетесь в серьезном преступлении. Этим займется Адам Остин, владелец и руководитель фирмы «АО Поручительство под залог».

Он придет за вами.

Люди, которые пользовались услугами Адама, чтобы внести залог, не работали с девяти до пяти, и у них не было будильника. Они не ложились спать, а просто отключались. Они не боялись пропустить судебное заседание, потому что не торопились выслушать государственного защитника, который будет объяснять им, что соглашение между обвинением и защитой – наилучший выход. Большинство просто вносили залог и уходило; кто-то затем появлялся в суде, а кто-то – нет. О неявке извещали Адама, и тот отправлялся на охоту. В любом виде охоты удача сопутствует тому, кто знает повадки добычи, а также среду ее обитания. Адам был превосходным охотником. Он перемещался между барами и стоянками для трейлеров, угрожал, когда мог, или доставал кошелек, когда угрозы не действовали, и исследовал каждую зацепку, пока не выходил на след. Здесь требовалось упорство, а его Адаму было не занимать. Это качество было заложено в нем давно, и со временем оно не ослабевало.

И не ослабнет.

В пятницу, после визита Эйприл Харпер, Адам узнал, что в суд не явился один из его подопечных, торговец обезболивающими препаратами по имени Джерри Норрис. Адам уже третий раз вносил за него залог, и третий раз Норрис сбежал. Адам знал, что без труда разыщет его, но поиски придется отложить до позднего вечера – до окончания футбольного матча. Ему совсем не хотелось появляться в средней школе Чамберса, но сегодня у команды брата первая игра из серии плей-офф, и он не может ее пропустить. Никогда не пропускал и не собирается. Мэри ему не позволила бы. Возможно, она не одобрила бы профессию Адама, но тот всегда приходил туда, где она хотела бы его видеть, и среди этих мест были матчи чемпионата штата с участием команды ее младшего брата. Мэри не позволила бы Адаму пропустить решающие игры – ни при каких обстоятельствах. Один раз он попробовал, но потом все время чувствовал ее присутствие, а самый страшный из призраков – недовольный призрак.

¹ Обезболивающие наркотические препараты.

Когда зажгутся прожекторы, он будет на трибуне.

* * *

Кент предпочитал стандартный ввод мяча в игру. Эффектные розыгрыши нравились болельщикам, но не ему, даже когда они приносили успех. Он просто хотел каждый раз в первой попытке проходить десять ярдов. Старшеклассники – это эмоциональные атомные бомбы, и их полезно успокоить с самого начала.

Но команда не дала ему такого шанса. Колин Мирс решил, что сегодня подходящий момент первый раз за всю его карьеру выронить мяч. Тот выскользнул из обтянутых перчатками ладоней, пролетел между ног и покатился назад, к отметке в пять ярдов, где его подобрали «Спенсер Хейтс». Сегодня Кент не получил свои десять ярдов в первой попытке; теперь противник начинал с пяти ярдов, имея возможность забить гол с игры, и на глазах у неожиданно притихших болельщиков в дело вступила защита.

Превосходно.

Защита выстояла, пресекла три попытки прорыва, бросаясь на владеющего мячом игрока, и трибуны снова ожили, потому что не позволить «Спенсер Хейтс» забить гол с игры при такой стартовой позиции – большое дело.

Только они не собирались забивать гол с игры. Снова выстроились в линию, готовясь к четвертой попытке, и Кент был вынужден признать, что ему нравится возбуждение, которое он испытывает в этот момент. Но ему не понравилось, что его защитники купились на обманный маневр, – они бросились вперед, ожидая еще одного выноса мяча, однако ресивер «Спенсер Хейтс» вертикальным маршрутом проскользнул в зачетную зону и без помех поймал пас. Тачдаун.

Трибуны вновь притихли. «Кардиналы» проигрывали шесть очков, и через несколько минут у Колина Мирса будет еще одна возможность поймать введенный в игру мяч. Кент подумал, что стоит подойти к нему, но затем отбросил эту мысль. Иногда молчание – лучший выразитель веры.

На этот раз Колин поймал мяч, хотя и не смог вернуть его, а затем они завершили первую попытку, и Лорелл Маккой занял позицию в центре – похоже, скоро игра наладится.

Не наладилась. Его команда, выигравшая десять матчей и не потерпевшая ни одного поражения, была выбита из колеи, что продемонстрировала вся первая половина игры. Лорелл и Колин ошиблись в нескольких розыгрышах, пас у «Спенсер Хейтс» оказался лучше, чем ожидал кто-либо – включая Кента, – а в конце второй четверти юный нападающий «Кардиналов», Джастин Пейн, выронил мяч в ситуации, которая могла бы принести очки, поскольку держал его слишком низко и далеко от корпуса, пытаясь увернуться от защитника. Мяч выскользнул у него из рук – *выше и ближе, выше и ближе*, кричал Кент, не в силах смотреть на грубые ошибки в конце сезона, когда таких ошибок быть не должно, – и «Спенсер Хейтс» снова наказали их за потерю мяча. 14:0 после первой половины матча. Трибуны молчали.

«Только не в этом году», – подумал Кент, направляясь в раздевалку. Да, они совершили ошибки, слишком много ошибок, но их можно исправить. Они *будут* исправлены, и его команда не проиграет этот матч. Уходя с поля, Кент тщательно следил за собой. Уверенная походка, уверенный взгляд. Разумеется, никакого удовлетворения на лице, но и никакой злости, никакого отвращения и, самое главное, никакого страха. Некоторые тренеры подстегивали игроков агрессивной яростью, но Кент хотел научить их справляться со своими инстинктами. Вместо необузданной агрессии – спокойная дисциплина. Если вы хорошо подготовились, если изучили противника и знаете, что от него ждать, в страхе нет нужды. Противник увидит спокойствие, увидит понимание и подготовку, но не увидит страха. И сам почувствует страх. Его источником будет ваша воля, ваша собранность и сосредоточенность.

У двери раздевалки тренеры задержались на несколько минут, разбившись на две группы – тех, кто отвечает за подготовку защитников и нападающих. Здесь у них была возможность внести коррективы, взглянуть на схемы розыгрышей первой половины матча и понять, что не получается и почему. В раздевалке первым слово взял Мэтт Байерс; начал он с того, что швырнул через всю комнату пустую банку из-под энергетического напитка. Обычное дело. Байерс был наследием тех времен, когда тридцатитрехлетний Кент сам выходил на поле в роли помощника, и сказать, что его стиль отличался от стиля Кента, – значит, ничего не сказать. Кент олицетворял холодный расчет, Байерс – необузданные эмоции. Мэтт мог нагнать страху – и нагонял – на игроков своей яростной и откровенной реакцией на ошибки, театральными сценами и внушительными размерами. Они с Кентом часто спорили, иногда так, что остальной персонал заключал пари, оценивая вероятность стрельбы, но, в сущности, Мэтт был нужен Кенту. Кто-то же должен швырять блокноты и орать до хрипоты – это производило впечатление на парней, а также подчеркивало те редкие случаи, когда повышал голос сам Кент. Его внимательно слушали, потому что обычно он не кричал. Игроки учатся игнорировать постоянно орущих тренеров. Когда Кент повышал голос, все мгновенно умолкали. Именно этого он и добивался.

Когда Кент поднялся со стула, Мэтт еще не закончил свою пространную речь о том, что показала игра команды: они не только жалкие сукины дети, но у них нет ни капли уважения к болельщикам, родителям, штату и всей стране. Это было сигналом – и предметом самых жестоких споров. Когда Кент вставал, Байерс должен был заткнуться и сесть. Немедленно. Он умолк, не закончив предложение, что всегда его раздражало, а затем сказал: «Послушайте главного тренера. *Послушайте*, черт возьми».

Кент несколько секунд молча смотрел на игроков, надеясь передать им две вещи: спокойствие и разочарование.

– Кто думает, что я недоволен цифрами на табло? – наконец спросил он. Голос его был тихим, так что сидящие в задних рядах подались вперед, чтобы лучше слышать.

Никто не поднял руку. Они прекрасно знали, что для него важен не счет, а качество игры. Счет – всего лишь результат игры, а игра – результат надлежащей фокусировки. Кент повернулся к Деймону Риттеру.

– Чем я расстроен, Деймон?

– Мы подарили им очки.

– Правильно. Я хочу, чтобы вы, парни, были щедрыми, но не в футболе. – Он повернулся и посмотрел на Колина Мирса. – Колин, ты боишься сегодня проиграть?

– Нет, сэр.

– А должен, – сказал Кент. – Объясни мне, Колин, почему это так. Назови причину.

– Потому что это не нас побеждают, а мы сами проигрываем, – сказал его лучший ресивер.

Разница была существенной, и именно на ней они сосредоточились в этом сезоне.

– Сделай одолжение, Колин. Прочти, что написано на стене за твоей спиной.

Плакат гласил: **ЕСТЬ РАЗНИЦА МЕЖДУ ТЕМ, ЧТОБЫ ПРИНЯТЬ ПОРАЖЕНИЕ, И ТЕМ, ЧТОБЫ ЗАРАБОТАТЬ ЕГО.** Мальчишкам уже надоело слушать этот краткий девиз. Кент смотрел, как они слушают его еще раз.

– В этом году вы заработали десять побед, – сказал он. – И ни одного поражения. Если придется его принять, мы примем. Но, парни, давайте не будем его зарабатывать. Не стоит этого делать.

Он смотрел на Колина, которые согласно кивнул. Тем не менее с ним было что-то не так. Он почему-то не мог сосредоточиться. Нервничать мог любой игрок его команды, но от Колина он ожидал этого меньше всего. Кент решил, что ему нужно перепасовать мяч в самом начале второй половины матча, попытаться успокоить его с помощью повторений и ритуала.

– Мы зададим им жару, – сказал он, а затем они сосредоточились на технических деталях. По крайней мере, тренер надеялся на это.

* * *

Когда каждый сосредоточен на своих обязанностях, от этого выигрывает вся команда. В начале третьей четверти защитники Чамберса не повелись на обманный маневр «Спенсер Хейтс» и перехватили мяч. Затем наконец наладилась игра в нападении – Лорелл и Колин совершили стремительный проход, завершившийся тачдауном. В начале четвертой попытки они повторили свой успех, а когда мяч снова перешел к ним, счет уже был равным и до конца матча оставалось шесть минут. Лорелл терпеливо вел команду вперед, не упускал не единого шанса, позволяя защите противника лихорадочно гоняться за Колином по вертикальным маршрутам, а затем прорываясь в образовавшиеся бреши. Они завершили первую попытку и забили гол с игры, с трех ярдов. Кент посмотрел на поле и подумал: «Какого черта, ведь мы его отрабатывали», – и подал знак выполнить обманный маневр. И Лорелл без помех добрался до зачетной зоны.

Матч закончился со счетом 21:14. Дети и родители устремились с трибун на поле, оркестр гремел, а Кент обратился к соперникам, рассказав, как можно превратить победу в поражение. Но все это время он чувствовал стеснение в груди. Он знал, что команды, с которыми предстояло встретиться, будут сильнее, с каждой неделей все сильнее, и от вожаемого трофея Чамберс отделяли четыре недели и четыре команды.

В этом году Кент был намерен завоевать его. Обязательно.

4

Слова, которые Кент сказал своим парням в раздевалке: «Радуйтесь этой победе, хорошо? И пока не смотрите вперед. Сегодня вечером наслаждайтесь тем, что в этом сезоне у вас была возможность играть в футбол вместе с лучшими друзьями. Мы сделали свое дело», – были искренними. Мальчишки заслужили праздник. Максимальная сосредоточенность, которую он требовал от них на поле, не нужна за его пределами. Это всего лишь игра, а они – дети, и им нужно наслаждаться игрой.

Но ему было не до веселья. Сделано слишком много ошибок, грубых ошибок, и это не давало покоя Кенту. Он готов проявить снисходительность, но не в том, что можно исправить подготовкой и практикой.

Цифровая эпоха значительно облегчила жизнь футбольного тренера. Меньше чем через час после окончания матча он и его помощники уже могут посмотреть запись игры в высоком разрешении. Они сварили кофе и открыли банки с содовой. На территории школы алкоголь запрещен, но после совещания почти все его помощники соберутся в баре, чтобы выпить. Кент редко присоединялся к ним, и на это были две причины: во-первых, он не пил, а во-вторых, что еще важнее, понимал, что его подчиненным нужно время от времени посплетничать без него. А если точнее, посплетничать о нем. В раздевалке Кент не позволял никаких вольностей, никакой фамильярности, даже после победы, и он понимал, что это их угнетает. Кент не собирался смягчать тон, но знал, что помощникам нужно расслабиться. Поэтому, когда они пригласят его присоединиться к вечеринке, он откажется – так будет лучше для всех.

Прежде чем отпустить помощников, Кент вместе с ними проанализировал сегодняшнюю игру и распределил обязанности на завтрашний разбор видеозаписи. Он знал, что сегодня им хочется уйти пораньше. Вечеринку организовывал Байерс, и поэтому Кент задержит их чуть дольше. Впереди еще четыре игры, и им не помешает сначала отвлечься размышлениями о них и только потом приступить к пиву.

Пока все поглядывали на часы и на дверь, он подключил проектор к ноутбуку и предложил взглянуть на несколько ключевых розыгрышей.

Первым был ввод мяча в игру, когда Колин Мирс не сумел поймать передачу, и хотя все знали, *что* им предстоит увидеть, они удивленно покачали головами. Колин не совершал таких ошибок. Никогда.

– Этого больше не повторится, – пообещал Стив Хаскинс, отвечавший за подготовку ресиверов и спецкоманд. – Первый матч плей-офф, полные трибуны, и он хотел немного покрутиться, всего лишь. Перед родителями, перед девушкой...

Кент кивнул, но объяснение его не удовлетворило.

– Что-то с ним сегодня не так, – сказал он.

– Да, но он вернулся на поле в полном порядке, – заметил Хаскинс. – Отличная вторая половина матча. Отличная.

– Да, – кивнул Кент, но беспокойство не проходило.

Возможно, именно поэтому он не очень удивился звонку из полиции.

* * *

Время приближалось к полуночи, а они все еще смотрели запись игры. Никто не бросился к телефону, потому что одно из главных правил, установленных Кентом для раздевалок, гласило, что мобильных телефонов не существует. Он долго не задерживал своих помощников, но требовал полной сосредоточенности. Тем не менее каждый год находилась новичок,

считавший допустимым во время совещания отправить сообщение или проверить почту. Но это происходило лишь один раз. Не больше.

На этот раз звонил стационарный телефон в раздевалке, что случалось крайне редко. Этот номер сообщался всем тренерам в начале сезона – вместе с указанием, что его должны знать члены семьи. Иногда возникают более важные дела, чем футбол. Кент снял трубку, услышал, как мужчина представляется лейтенантом полиции, и закрыл глаза. Это был не первый звонок из полиции в раздевалку школьного футбольного клуба – и не последний. Мальчики время от времени попадают в неприятности, даже хорошие мальчики.

Встревожил Кента не сам звонок, а имя игрока. Колин Мирс. «Что-то с ним было не так, – подумал он. – Что-то было не так, и я это видел, но не спросил; почему я не спросил?»

– Что с ним стряслось? – спросил Кент, и его слова привлекли внимание остальных. Следующие его слова – «о господи» – были произнесены шепотом, после чего Байерс схватил пульт дистанционного управления и выключил видеозапись.

– Конечно, – сказал Кент в трубку; помощники пытались понять по его ответам, что произошло. – Конечно, я могу предоставить свидетелей. Пятьдесят человек.

Эти слова произвели впечатление на присутствующих. Все переглянулись.

– Я приеду, – произнес Кент. – Передайте родителям, что я приеду. Пожалуйста.

Он повесил трубку. В комнате было тихо – все ждали.

– Рейчел Бонд мертва, – сказал Кент. Все знали, кто она такая. Это была маленькая школа и маленький футбольный клуб. Когда у вас в составе лучший ресивер штата, все тренеры знают имя его подружки. – Они задержали Колина.

– Никогда, – сказал Хаскинс. – Никогда в жизни этот парень не...

– Конечно, нет.

– Но они его подозревают?

– Не знаю, – сказал Кент. – Вероятно, нет. Просто он – первый в списке, и всего делов. Думаю, я им нужен, чтобы подтвердить, где он был сегодня во второй половине дня и вечером. Они хотят меня видеть.

– погоди, – остановил его Байерс. – Ты не говорил об автомобильной аварии. Девушку убили?

Кент кивнул.

Все молчали. Кент взял ключи от машины со стола и встал.

– Идите домой, джентльмены. Идите к семьям.

* * *

Стекла были опущены, радио выключено, и он молился вслух, как делал всегда, когда ехал в темноте. Он молился за Рейчел Бонд и ее семью, за Колина Мирса и за полицию, которой предстояло провести расследование. Молился за всех, кого мог вспомнить, за исключением себя, потому что был далеко не первым из тех, кто в этом нуждался.

«Ты к этому готов, – сказал он себе, взглянув в зеркало. – Как ни странно, ты к этому хорошо готов. Каждый ужас имеет свою цель, и это...»

Потом он молился за свою сестру, и ее имя поднялось к его губам откуда-то изнутри, словно распрямившееся кольцо колючей проволоки. *Мэри-Линн*. Как больно произносить ее имя, как будто он выпускал ее в мир, который ее все равно не вернет – он это знал, но все равно не мог удержаться. Воспоминания об умерших. Вы хотите, чтобы они стерлись; вы нуждаетесь в них.

Дорожка из светлого песчаника перед полицейским участком была усыпана опавшими листьями. Кент с шуршанием прошел по ним и поднялся на крыльцо здания, где ждали Мирсы.

Уверенность, напомнил себе он. Не забывай, что на тебя смотрят. Тогда ты держишься совсем по-другому – гораздо лучше. Здесь, при ярком свете и под взглядами людей, ты можешь стать другим человеком, таким, каким должен быть. Насколько лучше был бы этот мир, если бы все совершалось при ярком свете на глазах у толпы и никто не оставался бы в одиночестве и темноте?

Полицейский провел его по коридору в комнату, где за маленьким круглым столом сидел Колин Мирс с родителями. Лицо Колина было бледным, в глазах – растерянность и страдание.

– Давай сделаем то, что должны, чтобы помочь ей, – сказал Кент. – Сначала долг.

Он имел в виду именно это: полицейский участок, вопросы. Он имел в виду, что нужно еще чуть-чуть приподнять голову над океаном горя. Мальчик понял.

– Да, сэр, – сказал Колин Мирс. – Я пытаюсь.

Кент протянул руку, положил ладонь на его плечо и крепко сжал.

– Спасибо, что пришли, – тихо сказала Робин, мать Колина.

Кент кивнул, сделал шаг назад и посмотрел на полицейского, который его привел, лейтенанта Солтера.

– Я готов немедленно предоставить все, что вам нужно от меня и моих помощников. Кроме подтверждения, что он был вместе с командой, мы можем...

– Подождите, тренер, – перебил его Солтер. – Ничего такого нам от вас не нужно. Мы знаем, где был Колин, и это могут подтвердить сотни людей. У нас к вам вопрос личного характера.

– Личного? – переспросил Кент. «Ну вот, начинается, – подумал он. – Поделиться опытом. Они хотят, чтобы ты рассказал парню, как вынести такую ношу, потому что когда-то сам это пережил».

– Да, – подтвердил Солтер. – Вы знаете, как связаться с вашим братом?

Кент слегка наклонил голову, словно не расслышал вопрос.

– Моим братом?

Ответил ему не лейтенант Солтер, а Колин.

– Он ей помог. Но она не была... Не думаю, что она сказала ему всю правду.

– Помог ей, – произнес Кент. – Мой брат помог Рейчел.

Теперь он пристально смотрел на мальчика.

– У вас есть номер его телефона? – спросил Солтер. – Мы не смогли с ним связаться. Послали сотрудника к нему домой, но там его не было.

– Вероятно, еще рано.

– Уже полночь.

– Да, – сказал Кент и посмотрел на Колина. Теперь он понял, о чем речь. – Вы попросили его помочь ей с отцом?

– Отец написал ей, что освободился из тюрьмы. Она хотела его найти. Она ему верила. Мы оба ему верили. И я предложил...

Слова слетали с его губ, словно листья, уносимые порывом ветра.

– Что значит «вы ему верили»? – спросил Кент.

За мальчика ответил Солтер.

– Отец Рейчел не выходил из тюрьмы, тренер. Мы многого еще не знаем, но это точно. Тот, кого ваш брат для нее нашел... в общем, это был не ее отец.

– Она не говорила мне, что собирается к нему одна. – Из глаз Колина потекли слезы. – Я бы ей не позволил. Она обещала мне, что я пойду с ней. Я получил сообщение от нее прямо перед матчем. Она сказала, что собирается увидеться с ним и что мы встретимся на стадионе, но не пришла. Ее не было в начале игры...

И после окончания тоже. Заканчивать фразу было не обязательно – Кент и так все понял. Он вспомнил о выпущенном из рук мяче. Парень стоял в одиночестве, ждал, когда мяч приле-

тит к нему, и пытался убедить себя, что это важно. Почему он никому не сказал? И что могло бы измениться, если б он не молчал?.. Разумеется, Колин не мог ничего рассказать. Требования Кента были неизменными: полная сосредоточенность на поле. Полная.

– То место... ее нашли не там, куда ее направили. – Солтер тщательно подбирал слова. – Вот почему нам нужен ваш брат. Чтобы найти то место.

Кент поднял руку, стиснул пальцами переносицу и приказал себе сосредоточиться. Он еще не осознавал всего масштаба случившегося, не мог позволить себе подумать о последствиях, о том, что эта ночь проникнет в такие дальние уголки, о которых он не подозревает.

– Я могу дать вам номер его мобильного телефона. Но не гарантирую, что он ответит.

Солтер записал номер и вышел на несколько минут, чтобы сделать звонок. В комнате остались Кент, его лучший ресивер и родители мальчика.

– А теперь, парень, расскажи мне все по порядку, – сказал Кент.

* * *

Все началось летом, объяснил Колин, но об этом Кент уже знал. Рейчел часто бывала у них в доме – ее приглашали посидеть с детьми, а Бет, жена Кента, очень хорошо к ней относилась. Обычно девушка общалась с Бет. Исключением была ситуация с отцом Рейчел, которого она не знала и который теперь сидел в тюрьме. Ее интересовали визиты Кента в тюрьму, она часто расспрашивала о них, о том, как выглядят тюремные камеры и что Кент думает о заключенных. Рейчел говорила, что хотела бы увидеться с отцом. С их последней встречи прошло почти десять лет. После ее седьмого дня рождения он перестал приносить поздравительные открытки с десятидолларовой купюрой внутри, и мать Рейчел, Пенни Гути, прогнала его. Кент посоветовал начать с письма. И предупредил, чтобы она не особенно ждала ответа.

Но ответ пришел.

Краткий, сухой, но по делу. Джейсон Бонд сожалеет, что они не поддерживают отношений. Он ценит, что она решила написать ему. Надеется, что у ее матери все хорошо. Она должна ходить в школу, заботиться о себе и не совершать таких ошибок, как он.

Кент помнил это письмо. Он также помнил, что еще четыре письма, отправленных Рейчел, остались без ответа. Он пытался успокоить ее, пытался напомнить, что для этого человека она олицетворяла вину, что не нужно торопиться и что отношения невозможно установить силой.

О других письмах он не знал. Один раз спросил, но не настаивал, не получив ответа. Затем начался сезон; Кент сосредоточился на футболе, а она – на своем отце. По словам Колина, письма приходили регулярно. В основном отец извинялся перед Рейчел, говорил, что не хочет снова подвести ее и что им, возможно, не стоит поддерживать связь. Речь шла о чувстве вины и почти обо всем, что Кент объяснял девушке в начале лета.

А также о скором освобождении.

В сентябре письма стали приходиться чаще, и в них появились подробности. Джейсон Бонд писал, что он вернулся в Чамберс – достаточно близко, чтобы дразнить дочь, которая хотела с ним встретиться. Тем не менее он не хотел, чтобы его торопили. Джейсон убеждал ее, что лучше поддерживать одностороннюю связь, не советовал рассказывать обо всем матери, потому что он не знает, как наладить с ней отношения и нужно ли это делать.

Удачный ход, поскольку отношения Рейчел Бонд с матерью никак нельзя было назвать близкими. Пенни Гути была алкоголичкой и боролась с депрессией, а еще больше сил у нее уходило на то, чтобы не остаться без работы. Для отца Рейчел у нее не находилось ни одного доброго слова. Мать была последним человеком, к которому Рейчел обратилась бы за советом.

Поэтому она доверилась своему бойфренду, Колину. И он придумал. Если Рейчел хочет отвечать на письма отца, ей нужно узнать его адрес. «Знаешь тренера Остина? У него есть брат-детектив».

5

В баре «Хаслем» был единственный телевизор, в углу над стойкой – древняя массивная штукатура, странно смотревшаяся в эпоху плоских экранов. Но никто не жаловался, потому что люди приходили сюда смотреть не телевизор, а танцы на сцене и вокруг стального шеста.

Как бы то ни было, Адам Остин минут десять смотрел телевизор. В 11.20 он попросил бармена переключиться на кливлендский филиал канала Эй-би-си.

– Звук? – спросил Дейви.

– Нет.

Это был спортивный раздел местных новостей, и Адам хотел лишь увидеть результаты игр, появлявшиеся в нижней части экрана, – чтобы знать возможного соперника для команды его брата. Вероятно, единственным клубом, который представлял реальную опасность, был Сент-Энтони, который неизменно побеждал подопечных Кента. Разумеется, они выиграли. С преимуществом в сорок очков. Уверенная победа. А вот победа команды из Чамберса могла вызвать только вздох облегчения.

– По самому краю, Франшиза, – задумчиво пробормотал Адам, используя прозвище, которым лишь один человек в мире называл своего младшего брата. – По самому краю.

Вероятно, всю последнюю неделю Кент читал им проповеди вместо того, чтобы ставить удар. Таков был его метод. Но они сделали свое дело, доведя счет побед и поражений до 11:0, и титул чемпионов штата из мечты превратился в реальность. Посмотрим, что будет делать брат. Возможно, придется отказаться от некоторых псалмов в пользу уроков от Ломбарди, а учение Павла будет ассоциироваться только с одним человеком – Полом Брауном.

За спиной у Адама на сцене танцевали три девушки, а два десятка мужланов совали им купюры. Время от времени кто-то из тех, кто только что продал подержанный водный мотоцикл или какое-нибудь другое барахло, на волне эйфории от своей удачи расставался с двадцаткой, но по большей части девушки танцевали за гроши, в буквальном смысле. Адам не поворачивался к ним. Он ждал появления Джерри Норриса, который в четверг не удостоил своим присутствием заседание суда. Джерри еще не было, и это означало одно из двух: либо он отключился и не в состоянии дойти до бара со стриптизом, либо кто-то из приятелей предупредил его о присутствии Адама.

В полночь он собирался уйти, но Дейви налил ему порцию «Джим Бим» за счет заведения, а отказываться от бесплатного виски – это кощунство. Выпив, Адам почувствовал, что усталость немного отступила; из компьютерного самозванца, выдававшего себя за музыкальный автомат, гремела песня группы «Драйв-бай тракерс», и Адам подумал, что может позволить себе последнюю кружку пива.

Он успел выпить три последние кружки, прежде чем зазвонил телефон. Адам ничуть не удивился: ему часто звонили среди ночи. Было уже поздно, и он устал, но когда речь идет о деньгах, ни поздний час, ни усталость не имеют значения. В его бизнесе деньги редко звонят в другое время. Когда выяснилось, что это Стэн Солтер, Адам удивился, но не слишком сильно. Ему довольно часто приходилось иметь дело с полицией.

– Кто из моих любимчиков на этот раз? – спросил он.

– Тут другой случай, – сказал Солтер. – Нам нужно с вами поговорить, Адам. Лично. Вы в состоянии сесть за руль или кого-то за вами прислать?

– Что, черт возьми, случилось?

– Убийство, – ответил Солтер. – Когда я говорю, что нам нужно поговорить, это значит «немедленно».

Подопечные Адама не в первый раз кого-то убивали – на самом деле в третий, – и ничего приятного в этом не было.

– Кто это сделал? – спросил он.

– Адам, это другое. Нам нужно расспросить вас о жертве. Мне сообщили, что вы недавно с ней разговаривали.

– Имя.

– Я же сказал, что нам нужно поговорить лично.

– Обязательно. Но я хочу услышать имя, черт возьми.

– Рейчел Бонд, – сказал Солтер после небольшой паузы.

– Я ее не знаю.

Он не мог забыть человека с фамилией Бонд, которого освобождал под залог. Это дерьмо намертво отпечатывается в памяти.

– У нас другие сведения.

«Рейчел, – подумал он. – Рейчел. Может, та женщина, вся в синяках, которая просила вытащить из-за решетки мужа?»

– Блондинка, около тридцати? – спросил он. – Мужа зовут Роджер?

– Нет, – сказал Солтер. – Брюнетка, и ей было не около тридцати. Ей было ровно семнадцать. Обратилась к вам за помощью в поисках отца.

– Ничего подобного. Нет. Та девушка... ее звали Эйприл. Студентка колледжа.

Но он вспоминал, как при взгляде на нее подумал, что быстро стареет, потому что студентки колледжа стали казаться ему невероятно молоденькими.

– Возможно, так она говорила. Но это неправда. А теперь она мертва, Адам, и нам нужно поговорить. *Немедленно*. Я повторяю вопрос: вы в состоянии сесть за руль или нужно кого-то прислать?

– Сам доеду, – сказал Адам, думая о том, что девушка принесла письма в пластиковой папке, какими обычно пользуются учащиеся. Но не учащиеся колледжа. И еще лак для ногтей. Красный с серебристыми блестками. Она разрисовала ногти в честь «Кардиналов».

– Тогда приезжайте в участок. Я буду вас ждать.

Солтер отключился. Адам положил телефон на стойку бара и посмотрел в зеркало перед собой. За рядами бутылок можно было разглядеть лишь глаза и отступающую со лба линию волос.

– Проклятье, – прошептал он.

* * *

Адреса Адам не помнил – к глубокому разочарованию мужчин в комнате со слишком ярким светом, запахом нового пластика и с включенным диктофоном на столе.

– Это за городом. На озере. Кажется... Шедоу-лейн. Нет, Шедоу-Вуд-лейн. Номер не помню.

– Вы уверены?

– Шедоу-Вуд. Да.

Один из детективов вышел, и в комнате остались только Стэн Солтер и Адам.

– Думаете, ее убили там? – спросил детектив.

– Собираемся это выяснить. Вы видели это место?

– Нет.

– Просто дали ей адрес?

Адам не был уверен, прозвучало ли в тоне Солтера презрение или ему это только кажется. В любом случае обижаться не на что. Он вспоминал, что зубы у девушки были ровными и белыми, но улыбалась она странно, одними губами, словно до недавнего времени носила брекеты и из-за привычки и подростковой неуверенности по-прежнему прятала зубы, теперь идеально ровные...

Нет, не так. Это не ее улыбка. Это была другая девушка. Ты не должен объединять их, Адам. Не должен.

– Да, я отправил ей на телефон сообщение с адресом. Сказал, что она может сообщить мне, если адрес не тот, и тогда мы попытаемся снова. Она не перезвонила. Она сказала, что ее зовут Эйприл Харпер. Сказала, что учится в колледже.

– У вас нет привычки проверять личность? – спросил Солтер, и Адам сделал над собой усилие, чтобы сосредоточиться на вопросе. Мысли все время возвращались к лаку для ногтей, к пластиковой папке, запаху кокоса, по которому он догадался, что она только что из солярия.

– Клиентов? Нет. Какой смысл? Я не пропускал ее на борт самолета, даже не наливал пиво – просто соглашался сделать работу. Проверять ее возраст – не мое дело.

«Семнадцать, семнадцать, семнадцать, черт побери», – думал он, и спиртное жгло его желудок, словно кислота.

Она и выглядела на семнадцать. Глупо это отрицать, прикрываясь жалкой отговоркой, что она из тех девушек, что выглядят старше своего возраста. Если честно, она выглядела даже моложе. Любой кассир на заправке не продал бы ей сигареты. Постаралась убедить его, что учится на старшем курсе в колледже Болдуина-Уоллеса, и хотя его глаза говорили: *Нет*, мозг сказал: *Кому какое дело*, а деньги убеждали: *Просто сделай свою работу, Адам*.

– А вы не подумали, – спросил Солтер, – что она вам лжет?

– Мне все лгут, Солтер. Всегда. Допускал ли я, что она меня обманывает? Конечно. Но доискиваться, почему она лжет, это... послушайте, она сказала, что от меня нужно, у нее была причина, и у нее были письма.

– И наличные, – прибавил Солтер.

Адаму захотелось сломать нос этому смазливому болвану. Солтер сидел перед ним – короткая армейская стрижка, полуприкрытые глаза, значок – и смотрел на него так, словно Адам был одной из танцовщиц из «Хаслема», лишенных чувства собственного достоинства и жадных до денег.

– А вы не оплачиваете счета? – спросил Адам. – И ипотеки у вас нет?

Солтер не отвел взгляда.

– Меня не интересует, нужна ли вам работа. Меня интересует, что она заплатила наличными.

Верно. Потому что наличные указывали на ее возраст – по крайней мере Солтеру, который предполагал, что совершеннолетний выписал бы чек или спросил, принимает ли Адам кредитные карты.

– В моем бизнесе, – сказал Адам, – оплата наличными – обычное дело.

И это правда. К нему приходило много людей с IQ больше, чем сумма на банковском счету, причем нельзя сказать, что они были уж очень умными.

– Понятно. – Солтер сделал пометку в блокноте. – Давайте поговорим о письмах, которые она принесла. Вы их читали?

– Да. – *Семнадцать. Ребенок. Труп.*

– Копии снимали?

– Нет. Она сделала это сама. Пришла уже с копиями. Оригиналов я не видел. Прочел только одно письмо. Но были и другие.

– Что говорилось в письме?

– Оно было от отца. Он сидел... то есть раньше... в тюрьме. Потом освободился и, насколько я понял, какое-то время не писал. Потом возобновил переписку, но не сообщал, где он, – ни обратного адреса, ничего. То есть это была односторонняя связь. Девушка хотела ответить ему. Попросила его найти. Я имею в виду адрес.

– Вы уполномочены заниматься такого рода деятельностью?

– У меня лицензия частного детектива, и вам это известно.

Солтер не ответил.

– Именно это я и сделал, – продолжил Адам. – То же самое, что делаю каждый день. Люди сбегает из-под залога, я их ищу и привожу назад. Вам это известно.

– В данном случае никто не сбежал из-под залога.

– Навыки, – сказал Адам. – Навыки требуются те же.

– Понятно. Значит, вы использовали свои навыки, чтобы узнать адрес.

– Совершенно верно.

– Помните его?

– Нет.

– Но у вас остались записи?

– Да. Конечно.

– Она не сообщала вам свой адрес? Только номер телефона?

– Только номер телефона. Сказала, что учится...

– В колледже Болдуина-Уоллеса. Да. Объяснила, почему выбрала вас?

– Сказала, по рекомендации. – Адам жалел, что по дороге не остановился купить жвачки. От него разило пивом, и от этого он казался слабым и жалким.

– Мы знаем, – сказал Солтер. – От ее бойфренда. Рекомендацию, если можно так выразиться, дал он. Парень играет в команде вашего брата.

– Играет? Прямо сейчас? В этой команде?

– Прямо сейчас. – Солтер кивнул. – Колин Мирс. Насколько я знаю, его семья дружит с вашим братом. О вас говорили, и Колин, наверное, понял, что вы, должно быть, детектив.

Адам решил не обращать внимания. *Должно быть.* Какая разница? Плевать, что думает Солтер. Главное – девушка с покрашенными ногтями. Главное – найти чокнутого сукина сына, который ее убил, и прикончить его. Потому что, если ты этого не сделаешь... если он останется жить...

– Жаль, что она вам солгала, – сказал Солтер. – И жаль, что вы не установили ее личность. Если б вы знали ее настоящее имя, то без труда нашли бы ее отца. В тюрьме Мэнсфилд.

Адам удивленно посмотрел на него.

– Он не освободился?

– Нет. Сидит уже семь лет. В данный момент его допрашивают. Он говорит, что последнее письмо написал в августе. Кто продолжал писать вместо него? Кого вы для нее нашли? Мы должны его отыскать. Как можно быстрее.

– Бессмыслица какая-то, – сказал Адам.

– Что?

– В этом нет никакого смысла, Солтер. Я видел письмо, понимаете? Парень, который его написал, изо всех сил старался *не* встречаться с ней.

– Правда?

– Точно. Я читал это проклятое...

– Вы уже это говорили. Но для того, кто не хочет, чтобы его нашли, он оставлял слишком много следов, ведь так? Сказал, что вернулся в город, назвал имя хозяйки... Девочке, которая очень хотела с ним общаться... Вы не видите здесь противоречия?

Справедливые замечания. Но Адам покачал головой.

– Он знал, где ее найти. Какой смысл затевать такую игру?

– Не знаю, – сказал Солтер, – но преследование довольно часто сопровождается играми. Довольно часто.

– Для этого требуется терпение, – возразил Адам. – Сидеть и ждать, отреагирует ли она? Начнет ли его искать? Чертовское терпение.

– Возможно, он не такой уж терпеливый. Возможно, когда она появилась на его пороге, он заторопился.

Теперь Адам вспомнил номер. Цифры всплыли у него перед глазами: 7330. Да, на Шедоу-Вуд-лейн. Это адрес дома, в дверь которого она постучала.
Туда, куда он ее отправил.

6

Когда Бет спустилась из спальни, чтобы встретить Кента, был уже третий час ночи, но она не выказала удивления. Во время сезона у жены тренера футбольной команды такое позднее возвращение не являлось причиной для тревоги, а когда у них еще не было детей, сама Бет не ложилась раньше. Она работала медсестрой в отделении «Скорой помощи» и собиралась вернуться на работу после того, как подрастут Лайза и Эндрю. Ночная смена никогда не была для нее проблемой, и Кент иногда заставлял ее за тем, что она варит себе кофе в четыре утра, – просто потому, что это лучше, чем пытаться заснуть.

Но сегодня она спала. Кент видел это по ее рассеянной улыбке и примятым подушкой волосам.

– Превосходно, – сказала Бет. – Отличная работа, приятель.

Он открыл холодильник, чтобы достать бутылку воды, и в луче белого света жена увидела его лицо.

– Милый? – Голос у нее был встревоженный.

Он достал воду, захлопнул дверцу холодильника и, не включая света, рассказал ей о том, что Рейчел Бонд мертва.

– Кто-то убил бедняжку? Это убийство? – Она всегда так реагировала на плохие новости – повторяла факты и обдумывала их. Привычка человека, обязанного сохранять самообладание в трудных ситуациях. Сегодня это раздражало. *Закричи*, хотелось сказать Кенту. *Заплачь, кричи, сломайся*. В других людях нас больше всего раздражают те качества, которые мы не любим в себе. Он всю ночь старался быть спокойным и сильным, старался подавить свои эмоции. И устал от этого.

Бет подошла к нему, обняла, и раздражение, вызванное печалью и усталостью, растворилось в ее тепле. Не выпуская жену из объятий, Кент рассказал ей о полицейском участке, о том, что говорили Стэн Солтер и Колин Мирс, а также об Адаме.

– Это Адам послал ее к нему? – Бет откинулась назад, пристально глядя ему в глаза. – Адам?

Он кивнул.

– Помнишь тот вечер, когда Колин спрашивал меня о нем? Увидел его на фотографии команды в том году, когда мы стали чемпионами, и спросил, куда он пропал. Я ответил, что он по-прежнему здесь и... что он частный детектив. Вероятно, Колин запомнил. А когда Рейчел решила разыскать отца...

– Она пошла к Адаму.

– Да.

Они умолкли. Кент допил воду. Свет никто не включал.

– Она была чудесной девочкой, – прошептала Бет. – Во всех отношениях. Слишком взрослой. Ты должен помнить, я тебе это много раз говорила. Как будто никогда не была *маленькой*, как будто уже родилась взрослой.

– Знаю.

Бет кончиками пальцев смахнула слезы с глаз.

– У нее было столько планов, Кент... Она была из тех... сразу было видно, что она может многого добиться.

Голос ее прервался, и Кент погладил ее по голове. Она судорожно вдохнула. Обхватила себя руками и сказала:

– Завтра утром люди узнают, что произошло. Может, еще до начала тренировки...

– Тренировки не будет. Я скажу пару слов и распушу всех по домам. – Кент прислонился к кухонному столу, снял бейсболку и провел ладонью по волосам. – Они попытаются связать это с футболом. Сделают Рейчел символом, начнут посвящать ей игры... Мне бы этого не хотелось.

– Они всего лишь мальчики.

– Не только мальчики. Родители, болельщики, парни с радио. Чирлидеры, учителя, дворники и даже полицейские. И команда парней, играющих в футбол, вдруг начнет олицетворять то, чего олицетворять не должна.

– Может, этого не случится.

– Уверю тебя, – сказал Кент. – Все так и будет.

* * *

Полиция отпустила его около трех, но Адам поехал домой лишь после восхода солнца. Он отправился в свой офис – привычный маршрут от полицейского участка, – а оттуда на север, к озеру. Там, на гряде камней, которые образовывали волнолом, в тени бывшего завода, где когда-то выплавляли сталь, обветшалого символа эпохи, после окончания которой сменилось уже несколько поколений, но о которой люди до сих пор скорбели, он сидел на пронизывающем холоде и пил виски из горлышка бутылки, захваченной в офисе. «Окентошен Три Вуд», превосходный скотч. Дома и на работе Адам держал только первоклассный виски. Его не выпьешь быстро – просто не можешь себе этого позволить.

Теперь он пил быстро.

Но не успел выпить много.

Когда луна сначала побледнела, а затем исчезла в бледном свете зари, Адама Остина стошнило прямо в озеро Эри, и он позволил себе заплакать и соскользнул вниз, так что одна рука и одна нога оказались в ледяной воде, на бездумном и безжалостном ветру. Так можно и заболеть – он не был готов к холоду, но и не хотел бежать от него. Расплата придет потом.

Почему опять? Почему одного раза недостаточно? Хотя разве могло быть иначе? Он снова вскарабкался на камни и стал смотреть на озеро, воды которого омывали три других штата и другую страну там, куда не доставал его взгляд, всегда холодное – когда вам это было нужно и когда нет. Смотрел, как проступает линия горизонта, а когда она стала яркой, вернулся к машине и поехал домой. Другого дома Адам никогда не знал – именно сюда родители принесли его из роддома, своего сына, первенца, старшего из трех детей. Он не стал перестраивать дом, когда смог себе это позволить, а просто заменил то, что считал нужным. От его прежнего дома остались только стены. Адам переделал почти все.

За исключением одной комнаты.

Теперь он подошел к ней, остановился в темном коридоре наверху и потянулся к ручке двери. Обхватил ладонью холодный металл и прочел рукописное объявление: **ЗДЕСЬ ЖИВЕТ МЭРИ-ЛИНН ОСТИН – СТУЧАТЬ ОБЯЗАТЕЛЬНО, БЕЗ РАЗРЕШЕНИЯ НЕ ВХОДИТЬ! СПАСИБО, МАЛЬЧИКИ!** Адам покачал головой. Не сейчас. Он не может войти в таком виде – пьяный, в мокрых туфлях, с рвотой на рукаве и кровью на руках. Опять кровь...

Он спустился на первый этаж, содрал с себя одежду, включил душ и смотрел в зеркало, пока старый котел гудел, нагревая воду. Его глаза были сухими. И останутся. Он это знал.

– Я иду за тобой, – прошептал Адам, а потом подумал, что глупо разговаривать со своим отражением, и отвернулся.

7

Новость быстро распространилась по Чамберсу, штат Огайо. В утренней газете ничего не появилось, но дети уже были в курсе, и Кент этому нисколько не удивился. Маленький город, все тесно связаны. Или суют свой нос в чужие дела. Все зависит от вашей роли, от того, как это на вас влияет. Близкое знакомство, когда все друг друга знают, либо ласково согревало вас, либо обдавало холодом. Отец одного из мальчиков его команды служил в полиции. Дядя другого – в офисе коронера, а у третьего мать работала в диспетчерской экстренных служб. Источником информации был один из этих троих. Или еще кто-то, о связях которого Кент не знал, но это не имело значения; кто-то где-то все равно услышал бы новость, потом сделал ночной звонок, отправил эсэмэску или сообщение на электронную почту, и к утру о ней знал, вероятно, весь город.

Тяжесть этого груза уже была видна, когда они шли к полю – родители вместе с детьми, даже те, которые обычно отправляли сыновей на тренировку одних. Именно этим Чамберс и привлекал Кента. Город был маленьким, и люди воспринимали чужую беду, как свою. В этом были и положительные, и отрицательные стороны. Те, кто не был знаком с Рейчел и не узнал бы ее в очереди в кассу в продовольственном магазине, сегодня будут говорить, что помнят ее смех, добрую улыбку и щедрую душу.

За исключением настоящих ублюдков. Такие в Чамберсе тоже были, можете не сомневаться. Кент прекрасно их помнил. Сегодня к полудню кто-нибудь пустит первый слух: «Знаете, она была маленькой шлюшкой». Или того хуже, припишут ей то, что считают катастрофой в своей личной жизни: «Я слышала, что она якшалась с каким-то мексиканцем».

Лишь немногие из них вспомнят Рейчел, но у *всех* будет своя теория.

Кент стоял в центре поля, пока они собирались вокруг него. Несколько кивков, несколько слов, произнесенных шепотом, но заговорить никто не решался. Все ждали его.

«Вспомни тренера Уорда, – подумал он. Детское желание, чтобы его старый тренер вдруг оказался рядом, было таким отчаянным, что у него подогнулись колени. – Сделай это за меня, тренер Уорд, сделай это так, как ты уже делал раньше, пожалуйста».

Но Уолтер Уорд уже шесть лет как лежал на кладбище Роуз-Хилл. Он был не просто бывшим тренером Кента, а членом его семьи, тестем, и тогда, шесть лет назад, Кент стоял у свежей могилы и произносил надгробную речь. Сегодня земля не вернет ему тренера Уорда. Кент унаследовал его дело – и все, что оно с собой несет. В том числе это. Он не представлял, что подобное может случиться, но почему-то чувствовал, что не будет удивлен. Все закольцовано. По крайней мере, все, что имеет зубы, рвет тебя на части, кусает и проливает кровь.

Когда вокруг него собралась вся команда, он заговорил. Здесь было больше ста человек. Много взрослых. В основном родители, но попадались и незнакомые лица.

– Думаю, вы уже слышали, – сказал Кент, – но если нет, позвольте сообщить вам, что тренировки не будет, и объяснить почему.

Он рассказал о том, что они уже знали. *Одного из нас забрали*. Ключевым словом в его речи было «забрали». Он никогда не забудет, как ранило его слово *потеряна* в отношении Мэри, словно она была ключами от машины, пультом дистанционного управления или парой туфель. Нет, она не была потеряна.

Ее забрали.

– Мы знаем, – сказал он, – что игра не имеет значения. Сегодня утром нам всем об этом напомнили – хотя я надеялся, такого никогда не случится. Давайте теперь напомним себе о другом: мы черпаем силу друг в друге. Иногда нам нужно взять больше, чем мы можем предложить сами. Вам, парни, нужно об этом помнить. Среди нас есть те – семья Рейчел, ее друзья, ваш товарищ по команде Колин, – которым нужно больше, чем у них есть. От вас и от меня.

Мы должны помнить об этом и предложить это им. Мы много месяцев – даже лет – обсуждали, что воплощает в себе эта игра, а что нет. Сегодня она ничего не значит. Поймите это. Не обманывайте себя. И помните... Никакой страх или потеря не могут быть сильнее веры.

Среди одобрительных возгласов громче всех прозвучал голос человека в задних рядах, а когда взгляд Кента скользнул к нему, тот быстро опустил голову. Козырек бейсболки и склоненная голова не позволяли рассмотреть его лицо, но Кенту этот мужчина показался знакомым. Тренер загнулся, затем отвел взгляд и снова сосредоточился.

– Сегодня не будет тренировки, не будет футбола. Проведите день со своими родными и друзьями, со своими мыслями. И постарайтесь, чтобы эти мысли были направлены на людей, которые в них нуждаются. – Он немного помолчал. – Теперь я прочту молитву для тех, кто захочет остаться.

Остались все.

* * *

Кент надеялся, что сможет добраться домой, не давая комментариев прессе, но у машины его перехватил Боб Хакетт, уважаемый в городе редактор спортивных новостей, посвятивший своей профессии больше тридцати лет. Он писал о том, как они выиграли чемпионат штата, когда Кент только пришел в команду, и о том, как лишились титула, когда Кент был квотербеком и учился в выпускном классе школы, а также обо всем, что произошло за прошедшие годы.

Сегодня он ждал Кента у его «Форда Эксплорер». Прислонившись к машине, они смотрели на футбольное поле, которое несколько часов назад значило так много.

– Мне очень жаль, – сказал Хакетт.

– В данный момент многие люди заслуживают сочувствия, но среди них нет меня.

– Кент, довольно скоро с вами захотят поговорить о том, что произошло, – сказал Хакетт. – И знаете что: вам проще поговорить со мной. Если я напишу об этом первым, интервью перепечатает Ассошиейтед Пресс. А когда к вам обратится кто-то другой, вы скажете, что уже дали одно интервью, и этого будет достаточно. Если станете молчать, все начнут истолковывать это на свой лад.

Ну и пусть истолковывают. Это никак не связано, всё уже в далеком прошлом.

Но Кент понимал, что это неправда. Совсем близко – и всегда будет.

– Мы достаточно давно знакомы, и вы знаете, что я не гонюсь за сенсацией, – сказал Хакетт. – Если не хотите о ней упоминать, то я...

– Нет, – Кент покачал головой. – Давайте. Поговорим о моей сестре.

Хакетт отвел взгляд, и Кент понял, что журналист действительно смущен. Он не всегда соглашался с тем, что тот писал в своих колонках, но ценил отношение к своей работе. Хакетт писал не о тренерах, спортсменах и соревнованиях. Он писал о людях.

– Пойдем внутрь? – спросил журналист.

Кент покачал головой.

– Нет, устроимся на трибунах.

Температура на улице была чуть больше нуля – утреннее солнце, скрытое тучами, еще не успело нагреть воздух, – а у Хакетта не было кепки, чтобы прикрыть лысую голову, но он кивнул и первым направился к рядам сидений.

8

Челси позвонила около полудня.

– Я только что узнала.

Ни вступления, ни вопросов, почему Адам не вернулся к ней ночью и почему его нет в офисе, хотя субботнее утро обычно заполнено делами.

– От кого?

– От полиции. Приехали, чтобы забрать ее дело. Там почти ничего не было. Им было трудно в это поверить.

– Они надеются. Не вини их. Мне тоже хотелось бы иметь больше. Мне... – Адам не мог продолжать и рассчитывал, что она подумает, что он пьян. Почему-то ему казалось, что так будет лучше. Безопаснее. *Адам? Он не сломан, а просто пьян. Достоин твоего презрения, но, пожалуйста, не изливай на него жалость или сочувствие.*

– Где ты? – спросила она. Ее голос был очень тихим.

– Дома.

– У себя?

– В единственном доме, который у меня есть.

– Да.

Адам молчал. Тридцать ночей подряд он провел у нее. А может, сорок.

– На это утро у нас три дела, – сказала Челси. – Вероятно, на сегодня всё. Те, кто напился в пятницу вечером, вышли. Я закрываюсь. Если мы кому-то понадобится, пусть звонят.

– Конечно.

– Давай увидимся, Адам. Пожалуйста...

– Хорошо.

* * *

После окончания школы они не слишком много общались. Десть лет вообще ничего не знали друг о друге. Она какое-то время жила в Кливленде, а когда вернулась, то была уже замужем. За Тревисом Леонардом. Бывший военный, уволен с лишением прав и привилегий. В Чамберсе его в первый раз арестовали за сбыт краденого. Она пришла к Адаму по поводу освобождения под залог, держа в руке чековую книжку, и он рассердился на нее, буквально пришел в ярость – она была слишком хороша для этого парня, для этой жизни.

– Вот, значит, до чего ты докатилась? – сказал он. – Кто бы мог подумать...

Она закрыла чековую книжку, склонила голову набок и окинула взглядом обшарпанный офис.

– Вот, значит, до чего *ты* докатился, Адам? Кто бы мог подумать...

Они молча подписали документы. Тревис Леонард вышел на свободу, затем не явился на судебное заседание. Адам пришел за ним. Тревис исчез, Челси была дома.

– Тебе лучше подождать внутри, – сказала она.

Это был их первый раз. Если точнее, то второй. Первый за десять лет. Она крепко поцеловала Адама в губы, соскользнув с него на рассвете, а два часа спустя поцеловала в щеку мужа, которого Адам усадил на заднее сиденье «Джипа», когда Тревис наконец вернулся домой.

Несколько дней они не звонили друг другу. Он не хотел ее видеть, не хотел видеть, какой она стала, – или чтобы она видела, каким стал он. Никому это не нужно.

А однажды вечером появился на ее крыльце. Она снова открыла дверь. И он больше не уходил.

* * *

Адам любил и одновременно ненавидел ее дом. Ненавидел потому, что дом записан на ее мужа, но налоги и ипотеку платила она, пока эта тупая задница сидела в тюрьме округа; ненавидел потому, что дом был заполнен змеями этого придурка – ее муж разводил питонов, и в доме жили шестьдесят или семьдесят штук, а Адам всегда испытывал отвращение к змеям; ненавидел потому, что очень хотел остаться здесь навсегда. Ненавидел потому, что Челси заслуживала гораздо лучшего, и одной из главных причин ее падения был Адам.

Любил потому, что здесь была она. Тут все было просто и ясно. Только тут.

Она не виновата в том, что несла с собой воспоминания. Что не стерла их начисто, что он каждый раз ненавидит себя, когда подъезжает к ее дому, что крепко зажимурируется каждый раз, когда она прикасается к нему.

Когда они познакомились, ей было семнадцать – она перевелась к ним из Кливленда, из Западного технического колледжа. Ее отец разорился, и семье пришлось покинуть дом на Кларк-авеню, который они арендовали, и переехать к тетке в Чамберс. Челси с матерью и тремя сестрами. Через час после ее появления в школе мальчишки уже шептались о ней в коридорах и туалетах; подростки с бурлящими в крови гормонами выворачивали шеи, чтобы взглянуть на нее. Победитель генетической лотереи, Челси взяла все лучшее от матери-итальянки и отца-пуэрториканца и была не такой, как большинство девушек Чамберса. Не такой, как большинство девушек. И она обладала *властью*; утомленная детским вниманием, могла одним долгим, испытующим взглядом пригвоздить тебя к месту и лишить воли.

В тот год только Челси отвлекала мальчишек от футбола. Девчонки всегда отвлекали, но в такой маленькой школе к выпускному классу большинство самых талантливых парней уже имели подружку – все беспокоились о фотографиях в выпускном альбоме, и быть одному считалось неприличным. Тут все оказалось по-другому: она была *новой* девушкой, не несла с собой груза прошлого и не знала о прошлом других, и поэтому каждый мог представить, что у него есть шанс.

Победил Адам.

На это потребовалось две недели. Дольше, чем ему хотелось. Дольше, чем он привык. Единственный из всей команды кандидат на переход в первый дивизион, 6 футов и 4 дюйма роста, 215 фунтов тугих мышц², темные волосы, синие глаза и обаятельная улыбка – с такими данными Адам не привык бегать за девушками. А за ней пришлось побегать, и поначалу это было похоже на веселое соревнование, а Адам любил соревноваться. Потом он узнал ее поближе и увидел то, что скрывается за кожей медового цвета, блестящими волосами и телом, которое обещало все, о чем он мечтал еще с переходного возраста. И он, черт возьми, влюбился в эту девушку, влюбился очень быстро. Так быстро, как можно влюбиться только в восемнадцать лет.

Это было осенью 1989 года.

Адам ухаживал за ней с середины августа, но только в сентябре Челси согласилась на первое свидание. Через неделю случился первый поцелуй – он уже встречался с девушками, но когда поцеловал ее, ноги у него задрожали, как после пробежки по трибунам, когда мышцы словно превращаются в желе, и ему пришлось правой ладонью обхватить ее затылок, чтобы не упасть. Она запомнила это и потом рассказала, что приняла его жест за признак мужской опытности, но Адам так и не раскрыл настоящую причину – просто не хотел, чтобы она почувствовала, как он дрожит, когда они целуются.

² Соотв. 193 см и 97,5 кг.

Дальше все было не так романтично. Страстные объятия и ласки, заднее сиденье автомобиля и столы для пикника. Они говорили о сексе. Он не был девственником, у нее был неудачный опыт два года назад.

«Никакого давления», – шутил Адам, но, когда девушка лишает вас сна, не дает сосредоточиться, лучше считать, что давление было. С Челси Салинас он был не Адам Остин, надежда штата Огайо, а мальчишка, у которого дрожали колени, когда они целовались.

Затем наступило 2 октября 1989 г. «Кардиналы» тренировались допоздна. Когда стало темнеть, на поле включили освещение, и все было пропитано запахом листьев, дыма и осени; все пахло *футболом*, дурацкие летние тренировки стали туманными воспоминаниями, начался настоящий сезон, последний для Адама, и все шло прекрасно, пока не появилась Челси. Они были быстры и точны – к удовольствию тренера Уорда.

А потом пришла она. Уорд объявил перерыв, посмотрел на Адама и сказал:

– Уведи свою девчонку с моего поля, Остин, пока из тебя не начали выплескиваться гормоны.

Адам подбежал к ней и спросил, *в чем дело*. Он был взволнован, потому что раньше Челси не приходила на тренировки, а сегодня чувствовал себя быстрым, чертовски быстрым, как волк на снегу или акула в темных глубинах.

Она накрыла его ладонь своей.

– Мне нужно с тобой поговорить.

Сквозь возбуждение, вызванное адреналином, он впервые заметил в ее глазах слезы.

– Что?

– Я возвращаюсь в Кливленд.

– *Что?*

– У тебя тренировка. Заканчивай. Я все объясню. Подожду тебя в твоей машине, ладно? У него хватило сил только на кивок.

Она ушла, а он нахлобучил шлем и бегом вернулся на поле; легкий осенний ветер, десять минут назад казавшийся таким приятным, теперь был холодным и враждебным.

Они продолжили тренировку, хотя Адам ее не запомнил, за исключением того, что она никак не заканчивалась, и он мысленно проклинал тренера Уорда за каждый лишний повтор. Наконец они закончили и отправились в душ; он торопился, одной рукой вытирая грудь, а другой натягивая трусы, когда появился Кент. Новичок, он уже был запасным квотербеком, и все считали его подающим надежды, а половина города была готова поставить его в стартовый состав, даже несмотря на то, что их стартовый квотербек проиграл всего один розыгрыш. Будь на то воля Адама, он наплевал бы на эту традицию, и его брат занял бы позицию в центре поля. Если б Кента поставили во главе нападения и позволили Адаму уничтожить защиту противника, чемпионат штата был бы у них в кармане. Но тренер Уорд никогда не отправлял на скамейку старших ради новичка. Никогда.

– Мэри ждет, – сказал ему Кент.

Адам искренне удивился – ведь это Челси ждет, но как, черт возьми, об этом узнал его младший брат? Но затем до него дошло. Мэри тоже ждала. Сегодня у нее тренировка по кроссу, а Адам, у которого была машина, должен отвезти ее домой.

– Я не могу, – сказал он.

– Что? Они закончили час назад. Она ждет.

– Сказал же, что не могу, – сердито бросил Адам, но это был не гнев, а страх. *Нет, нет, Челси ошиблась, она не уезжает, она не может уехать.*

– Послушай, я должен остаться с тренерами. Они хотят, чтобы я посмотрел запись. Ты это знаешь. Я не могу проводить ее домой.

И тогда Адам произнес слова, которые нынче, десятилетия спустя, будят его по ночам и которые три раза заставляли его чувствовать во рту холодную сталь и смазку пистолетного ствола.

– Всего пять чертовых кварталов, Франшиза. Она дойдет.

И он ушел. Выбежал из раздевалки в ночь, навстречу самому важному, что было в его восемнадцатилетней жизни.

Мэри шла по дороге от школы, когда Адам выехал с парковки вместе с Челси. Он проехал мимо сестры – голова опущена, на спине рюкзак, – бредущей через холодную тьму к машине, которая ее не ждала, и подумал, что разберется с этим утром. Она будет злиться, но ему всегда удавалось быстро обратить гнев младшей сестренки в шутку; он всегда мог вызвать на ее лице улыбку, даже когда она этого не хотела. С отцом будет труднее, но придется пережить и это, а теперь нет ничего важнее того факта, что у него забирают Челси.

Нужно расставлять приоритеты.

Он отвез Челси на пирс. Накинул ей на плечи свою куртку и крепко обнял, слушая ее рассказ о том, что отца отпускают в ноябре, и это значит, что она уедет. Они возвращаются в Кливленд и остаются там. Город был всего в часе езды от Чамберса, но в ту ночь им казалось, что их разделит полмира. Они молча стояли на краю пирса, и вода плескалась у пилонов, а потом Челси подняла голову, посмотрела ему в глаза и сказала:

– Мы можем куда-нибудь поехать?

В багажнике его «Форда Таурус» нашлись два одеяла. Неподалеку от пирса был парк – наверху, над обрывом, откуда открывался вид на озеро. Популярное место для барбекю, но в тот холодный осенний вечер с пронизывающим ветром из Канады там было пусто. Холод им не мешал. Два восемнадцатилетних подростка, впервые вместе... Нет, холод не проблема. Они не заметили бы даже снега. В какой-то момент, когда они лежали на боку, Челси спиной к нему, а он ласкал ее грудь, бок, бедро, ему казалось, что эта ночь навсегда останется с ними и они будут вспоминать о ней, когда состарятся, потому что первый раз с любимым человеком не может забыться. Ничего подобного не существовало на этой земле. Он всегда будет помнить эту ночь. Он был в этом уверен.

Домой Адам вернулся к одиннадцати.

На подъездной дорожке стояла первая из нескольких полицейских машин.

Двадцать два года спустя, когда он под моросящим дождем ехал к дому ее мужа, Адам вспоминал вопросы, которые задавали полицейские, глаза отца и то, как мать вышла из комнаты.

Где вы были в течение четырех последних часов?

На пирсе и в парке.

Чем занимались?

Разговаривал, гулял.

Вы просто забыли отвезти сестру, да?

Нет, брат мне напомнил. Но это было срочно.

Мэри не появилась ни в три, ни в шесть, а потом исчезла слабая надежда, что она пошла к подруге и осталась там ночевать, или сломала ногу, или, черт возьми, сбежала с парнем, чтобы заняться тем, чем занимался Адам. Вопросы становились все жестче, а правда – все более неприятной.

Да, я должен был отвезти ее домой.

Нет, я этого не сделал.

Я сел в машину с Челси Салинас и уехал. Мы были на пирсе, потом в парке. Занимались сексом на одеяле.

Нет, я не позвонил родителям. Позволил Мэри возвращаться домой одной.

Да, я проехал мимо нее, когда выезжал с парковки.

Нет, я не остановился, чтобы поговорить с ней.

Нет, я не видел ее на улице, когда возвращался домой.

Но он в это не верил. Ему казалось, что она по-прежнему здесь; что в одну из холодных ветреных ночей, когда серп луны всходит над иссиня-черными облаками над озером, он увидит, как Мэри идет к парковке в поисках машины, на которой он уезжает от нее. Ему казалось, что если он правильно соединит все эти элементы, то увидит, как она идет сквозь тьму к прожекторам футбольного поля, с рюкзаком на спине; а потом повернется, чтобы посмотреть на притормозившую машину, неуверенно улыбнется, прежде чем вспомнит, что брекеты уже сняли, и тогда ее улыбка станет широкой и лучистой. Проскользнет на пассажирское сиденье и назовет его придурком, и он отвезет ее домой. В ее спальню, записка на двери которой запрещала входить без разрешения. Ведь это все еще может произойти, должно произойти... А если нет? Тогда пусть этот мир идет к черту.

Адам сидел, уткнувшись лбом в рулевое колесо и крепко зажмурив сухие глаза, когда Челси открыла дверь со стороны водителя и прижала прохладную ладонь к его шее. Он медленно выдохнул, стараясь унять дрожь, но не поднял голову и не открыл глаза.

– Всего пять кварталов.

Она молча погладила его шею.

– Полмили.

Ее пальцы нащупали напряженные мышцы и принялись разминать их.

– Рейчел Бонд было семнадцать, – сказал он. – Знал ли я? Нет. Должен был увидеть? Да. Ты бы увидела. Если б ты была там, если б там был кто-то, кроме меня...

Ее пальцы остановились, но давление на напряженную мышцу не ослабло – так врач пытается выдавить зараженную кровь. Что-то вышло из него, но не то, что нужно, или не до конца.

– Семнадцать, – повторил он.

– Пойдем в дом, – сказала она и убрала руку с его шеи.

Адам выключил двигатель, выбрался из машины, поднялся по ступенькам вслед за Челси, вошел в дом и увидел змей.

9

Желание позвонить в полицию застало Кента врасплох, и с ним было невозможно бороться. Каждые десять минут мысли возвращались к одному и тому же: «Может, теперь они узнали что-то еще. Может, Солтер тебе расскажет. Может, ты ответишь на какой-то вопрос, который они упустили. Может, ты попросишь их подтвердить, что Гидеон Пирс не имеет к этому отношения».

Именно последний вопрос, самый нелепый, звучал настойчивее всех, столь же абсурдный, как и безжалостный. Человек, убивший его сестру осенью 1989 года, умер в тюрьме много лет спустя, отбывая срок за это преступление, – и поделом. Разум каждый раз напоминал об этом Кенту, но сердце часто проявляет презрение к рациональности, и его сердце снова и снова задавало этот вопрос.

Две убитые девушки, с разницей в двадцать два года. Сколько людей в округе стали жертвами убийц с 1989 года? А в штате, в стране или в городе? Они не были связаны друг с другом. Но сердце Кента связало этих двух.

Он не стал звонить в полицию. Если понадобится им, они сами позвонят. До тех пор он будет лишь отвлекать их, мешать. Поэтому Кент обратился к футболу, лучшему, что он умел. Они пропустили тренировку перед матчем в серии плей-офф, и хотя это было правильно, за все придется платить. Обычно воскресенье было днем отдыха, когда приходили одни тренеры, и это означало, что подготовка к матчу начнется лишь в понедельник. Команда Кента уже на сорок восемь часов отставала от соперника. Сорок восемь из 144 часов, остававшихся до начала игры. Именно из-за таких вещей проигрываются футбольные матчи.

Обязанность восполнить эту потерю лежала на нем.

В начале тренерской карьеры Кент часами составлял схемы, вычислял проценты, чтобы продемонстрировать Уолтеру Уорду, что он понимает тактику соперников лучше, чем они сами.

– Они тридцать шесть раз выполняли блиц, когда мяч был на двадцати ярдах, – сообщал он Уорду. – Но если он был в красной зоне, они ни разу не применяли прессинг в первой попытке. Ни разу.

Уорд верил в точность, верил в подготовку, но часто с бесстрастной улыбкой отмахивался от подробных выкладок Кента, лишь слегка изменяя план игры. Если играть в футбол так, как играют в *Чамберсе*, всегда говорил он, то все получится.

Теперь, под руководством Кента, футбол в версии Чамберса означал, что нужно быть самой подготовленной командой в штате. И благодаря компьютерам появились беспрецедентные возможности для понимания тактики соперника. Команда была подписана на базу данных «Хадл», в которой хранились видеозаписи игры. Стоило это недешево, но один из спонсоров, дантист по имени Дункан Вернер, оплачивал счета. Кент любил «Хадл». С ее помощью можно было посмотреть не только видеозапись любой ситуации, но и получить статистику.

Один щелчок мыши – и перед глазами *блицы в зависимости от позиции на поле*. Еще один щелчок – *блицы, распределенные по попыткам и расстоянию*. Хотите знать, каков у соперника процент выноса мяча в первой попытке? Или как часто они обращаются к той или иной схеме? Достаточно щелкнуть мышкой. К утру пятницы Кент сможет воспроизвести всю эту статистику, ни разу не запнувшись. Он поймет, как мыслит тренер соперников, чего он хочет и чего боится. Это поможет ему подготовиться, чтобы не дать противнику проявить свои сильные стороны, и ударить в слабые места. Вы ничем не удивите его на футбольном поле – ни его самого, ни его команду. Они встречались с ребятами, которые были талантливее, сильнее или быстрее, но ни одна из тех команд не была так подготовлена.

Никогда.

Вечером в субботу Кент сидел на полу в гостиной, прислонившись спиной к дивану; слева от него лежал ноутбук, справа – блокнот, и каждые несколько секунд на его коленях оказывался игрушечный баскетбольный мяч. Он перебрасывался им с Эндрю, реакция которого больше напоминала реакцию взбесившейся немецкой овчарки, а не подающего надежды спортсмена. Лайза делала домашнее задание, которого у нее не было. В последнее время у дочери появилась такая привычка – громко объявлять, что она будет делать домашнее задание. Чтобы все знали. Потом она раскладывала на столе книги и начинала рисовать. Но больше всего Кента забавляла логарифмическая линейка, над которой они с Бет смеялись, когда дочери не было рядом. Лайза нашла это древнее вычислительное устройство на гаражной распродаже, купила за свои деньги и всегда держала под рукой, утверждая, что логарифмическая линейка гораздо круче калькулятора.

Внезапно ее привлекла идея учебы в университете. Высокая оценка в недавней контрольной на умножение стала причиной серьезного заявления, что она рассчитывает на стипендию, поскольку знает, что университеты Лиги плюща очень дорогие. Кент спросил, откуда дочь узнала о Лиге плюща.

– Они классные, папа, – со вздохом сказала Лайза. – Они действительно классные.

Ладно. Если они действительно так хороши, то стипендия – отличная идея, потому что его банковский счет оставляет желать лучшего.

– Папа? Ты не смотришь.

Это Эндрю. Кент оторвал глаза от экрана и сказал:

– Серия плей-офф, приятель. Плей-офф. Теперь нам нужна многозадачность, ладно?

Слово *многозадачность* Эндрю не понял, но когда Кент бросил мяч, сын, громко топая, побежал за ним по коридору. «Хикори Хиллз» были мощной командой, и достаточно быстрой, чтобы обрушить свою мощь на противника. Скорость Кента не беспокоила. Нужно лишь растянуть оборону, увеличить бреши и сместиться к последнему рубежу, потому что именно туда по большей части стремится квотербек.

– На сайте появилась статья Хакетта. – Ласковые синие глаза Бет, вынырнувшей из кухни, были серьезными.

– Плохо дело?

– Нет. Но они упомянули Адама.

– Что ты имеешь в виду?

– Полиция рассказала, что девочка пыталась найти отца. И что Адам... что он оплошал.

Кент вздохнул и еще раз, последний, бросил баскетбольный мяч; Эндрю сломя голову бросился за мячом, едва не сбив приставной столик. Кент встал и прошел на кухню, где на острове с гранитной столешницей стоял раскрытый ноутбук жены.

Главная страница сайта газеты была полностью посвящена Рейчел. Теперь ее фотографии соседствовали с фотографиями заброшенного коттеджа, окруженного следователями. Снимки сопровождалась пятью статьями. Заголовок одной из них гласил: ТРАГЕДИЯ, ЗНАКОМАЯ КЕНТУ ОСТИНУ.

На мгновение Кент закрыл глаза, собираясь с духом. Он никогда не любил читать о себе. Не испытывал при этом ничего, кроме неловкости. Ты не можешь повлиять на то, каким тебя представляют, на контекст твоих высказываний и даже на точность их передачи. Ты видишь чужую версию себя, скормленную публике, чтобы она сконструировала собственную версию, и это очень неприятно. *Спасибо, мы создадим другого тебя. Такого, как нам нужно.*

Всю жизнь Кент провел под пристальным взглядом общественного мнения, и до сих пор город ни разу не ополчился на него. Но он всегда знал, что такое может произойти. Когда ты столько времени болтаешься на глазах у столько людей, в конечном счете кто-то нанесет удар, и все остальные последуют его примеру. С радостью.

В том, что касалось средств массовой информации, Кент больше боялся за семью, чем за себя. Он видел хороших тренеров, хороших людей, которые очень быстро становились объектами травли, и всегда думал, что им с Бет было бы труднее, если бы их дети были достаточно взрослыми, чтобы все понимать. Лайзе исполнилось девять, а Эндрю – шесть. Им нравилось видеть отца на страницах газеты, особенно в этом сезоне, когда его команда не потерпела ни одного поражения. Но Кент не понимал, как быть с этой историей. Они кое-что знали, но теперь захотят узнать больше. Захотят узнать то, что, по его мнению, не должно было достигнуть их ушей.

Папа, твою сестру убили?

Да.

Он сделал с ней что-то еще?

Да.

Кент слышал, как Бет болтает с детьми – непринужденным тоном, естественным у них и искусственным у нее. Потом он заставил себя не слушать, щелкнул по ссылке и стал читать статью.

ЧАМБЕРС. Он выиграл шесть региональных титулов, и теперь его команда претендует еще на один, но в субботу утром Кент Остин отправил «Кардиналов» по домам, заменив тренировку молитвой.

В этот день футбол был неуместен.

Ужасное убийство одноклассницы, произошедшее в пятницу вечером, выбило из колеи учеников средней школы Чамберса, и школа, гревшаяся в лучах славы, теперь погрузилась в ледяные пучины трагедии.

Состояние, слишком хорошо знакомое Остину.

Когда тренеру «Кардиналов» было 15, его сестру Мэри похитили и убили.

Мэри Остин, которой на момент гибели было 16 лет, последний раз видели по дороге из школы домой вечером 2 октября 1989 года. Путаница с тем, кто отвезет ее домой, привела к тому, что она пошла пешком. Но не дошла.

Три дня спустя ее тело нашли на отмели на озере Эри. Ее убийца, Гидеон Пирс, был арестован только в январе 1990 года. Уроженец Чамберса, переехавший в Кливленд, Пирс уже обвинялся в нападении и избиении несовершеннолетнего. Судебное заседание было назначено на 22 сентября, но в начале лета Пирс сбежал из-под залога, и его не могли найти, пока полиция Роки-Ривер не задержала его за управление автомобилем с просроченными номерными знаками. Когда выяснилось, что автомобиль числится в угоне, а сам Пирс находится в розыске, его поместили в окружную тюрьму Кайахоги. Среди его вещей обнаружилась футбольная карточка из комплекта, изготовленного для команды средней школы, которая в прошлом году выиграла чемпионат штата. На карточке был изображен Адам Остин, старший брат Кента и Мэри, 18-летняя звезда, игрок второй линии защиты. Карточка была у Мэри Остин в день ее исчезновения.

Это была первая улика, которая в конечном итоге привела к суду над Пирсом и обвинительному приговору. У Пирса нашли другие вещи Мэри Остин, и не прошло еще 48 часов после ареста, как он признался в преступлении. Правда, избежал смертной казни, но был приговорен к пожизненному заключению; в 2005 г. он умер в тюрьме от рака.

Теперь, 22 года спустя, семью Остин снова посетила трагедия. Кент Остин знал Рейчел Бонд, а по словам полиции, Бонд обратилась к Адаму Остину за помощью в поисках отца, письма от которого убедили ее, что он вернулся в Чамберс.

Кент мысленно выругался. Хакетт не виноват – он излагал факты, включая в свой рассказ все имеющие отношение к делу связи, – но Кент все равно предпочел бы, чтобы журналист не

упоминал имени брата. Хакетт проявил деликатность, но это всего лишь начало. Будут новые звонки, новые статьи, причем гораздо более жесткие.

Адам Остин недоступен для комментариев, а тренер Кент Остин, естественно, не склонен обсуждать смерть сестры. Но в тех редких случаях, когда соглашается говорить об этом, он признает, что трагедия определила его жизнь. «Все, что я сделал, – говорит он, – я сделал из-за того, что случилось с Мэри».

Главная страсть Остина – проповедничество. В частности, проповедничество в тюрьме. Каждый месяц он приезжает в ту тюрьму, где содержался убийца его сестры, чтобы проводить занятия в группе по изучению Библии.

– После потери Мэри мне было трудно обрести душевный покой, – говорит он. – Я обнаружил, что мне помогают две вещи: футбол и вера.

Через девять лет после гибели сестры Остин встретился с ее убийцей.

– Это было нелегко, – признает он. Когда я спрашиваю Остина о содержании разговора, он долго молчит, потом вытирает губы тыльной стороной ладони. – Я молился за него.

А Пирс?

– Он смеялся мне в лицо.

На вопрос, жалеет ли он об этом визите, Остин сочувственно качает головой. Таких визитов было много. Вместе со священником из Кливленда, Дэном Гриссомом, Кент десятки раз посещал тюрьмы штата, встречаясь с преступниками, осужденными за такое же преступление – убийство, – что принесло столько горя Остину и его семье.

– Это проверка, – говорит он. – Самая главная. Я могу либо излучать ненависть, либо распространять любовь. Не думаю, что в таких случаях возможно нечто среднее. Во всяком случае, не для меня.

В пятницу вечером Остина спросили, считает ли он регулярный сезон, который его команда прошла без поражений, определяющим моментом своей карьеры. С характерной для него смесью терпения и жесткости, с которой знакомы все, кто брал интервью у тренера, он ответил, что не видит смысла в словах «определяющий момент», и если таковой существует, то Остин надеется, что он наступит на футбольном поле.

Тем не менее человек, не верящий в определяющие моменты, говорит о решении встретиться с Гидеоном Пирсом, как о самом важном в своей жизни.

– Во мне изменилось то, что должно было измениться, – говорит он. – Самое трудное из всего, что мне приходилось делать. От самого решения до его исполнения... самое трудное из всего. Я знал, кто он и что сделал. Я знал, что требует от меня сердце, и знал, что требует от меня вера, и мне не нравилось, что эти вещи противоречили друг другу.

Возвращаясь к своей команде после посещения тюрьмы, он привозит с собой истории. Рассказы о хороших людях, выбравших неверную дорогу.

– Я считаю своим долгом распространять веру среди людей, которые бросили ей вызов, – рассказывает Остин о своей миссии. – Мы делаем благое дело уже много лет. Мы видели, как люди меняются. Я горжусь этим больше, чем любыми победами на футбольном поле.

Остин всегда подчеркивает, что победы – не главное в его тренерской карьере. Игра позволяет ему научить молодых парней принимать правильные решения, обдумывать последствия каждого действия, каждого выбора.

– В этой игре победу обеспечивают не одиночки и уж точно не эгоистичный выбор, – говорит он. – Мы думаем об ответственности. Мы думаем о том, что твоя ошибка, твое неверное решение или недостаток усердия повлияют не только на тебя, но и на многих других. Мы понимаем, что это всего лишь игра. Но также осознаем важность уроков, извлеченных из этой игры.

Скорбь помогла Кенту Остину понять кое-что еще. Расследование убийства его сестры потребовало времени. За это время «Кардиналы» – Кент тогда еще не играл в основном составе, но Адам Остин учился в выпускном классе и считался звездой команды, а сам Кент был запасным квотербеком – выиграли шесть матчей подряд и стали чемпионами штата, последний раз в истории школы. Перед каждой игрой они отдавали дань памяти Мэри Остин. На свитерах игроков были ее инициалы. Болельщики на трибунах поднимали плакаты с ее именем. Объявлялись минуты молчания.

– Конечно, это очень много значило, – говорит Остин. – Команда, город... Все это было очень важно для нашей семьи.

Теперь, когда его непобедимая команда претендует на первый за все прошедшие годы чемпионский титул, главный тренер выражает надежду, что город готов уважать желания матери Рейчел Бонд.

– Это выбор семьи, – объясняет он. – Мы все думаем о Рейчел и ее семье, молимся за них. Тем не менее мы не будем смешивать футбол с реальной жизнью. Счет на табло ничего не изменит. Сомневаюсь, что кто-то сейчас думает о футболе. Мы, тренерский состав, не думаем о том, что произойдет в пятницу вечером. Мы хотим помочь этим молодым людям пережить трагедию.

Кто, как не Кент Остин, может предложить эту помощь.

10

После первого десятка звонков от репортеров Адам отключил сотовый телефон. Вероятно, у его дома уже караулят представители прессы, но дом Челси они еще не нашли – по крайней мере, пока. Адам лежал на спине, а Челси прижалась к его груди, и ее длинные темные волосы щекотали ему шею и щеку. Через открытую дверь спальни были видны змеи, шевелящиеся в своих отсеках. Дешевые пластмассовые трубы на самодельных деревянных полках, довольно тесные, вмещают достаточно воздуха – и в то же время не позволяют сбежать.

По большей части. Один или два раза им это удавалось.

В помещении, предназначенном для кладовки, стояла большая клетка с крысами. Любимая пища питонов. Челси заботилась о них, пока муж сидел в тюрьме. Крысы ей нравились больше, чем змеи, но она должна была заботиться о питонах.

Адам считал, что такая преданность – это уже слишком.

Его дом – в котором он вырос и прожил всю жизнь – был идеально чистым и прибранным. Адам отличался исключительной аккуратностью, под стать своему младшему брату, жившему в другом конце города. Он стригся раз в десять дней, гладил все рубашки и не уходил из офиса, не убрав со стола бумаги. Дома у него ни одна тарелка не задерживалась в кухонной раковине, ни один сорняк не пробивался сквозь цветы на клумбах, а скошенная трава сдувалась на лужайку, а не на дорожки. Возможно, так было бы везде, где бы он ни жил, но он жил только в одном месте, и это был дом Мэри. Адам пришел к пониманию, что никто не покидает свой настоящий дом, и потому это по-прежнему был дом Мэри. И Кента тоже – и иногда он жалел, что брат больше не приходит сюда, но у Кента теперь был свой дом. У Мэри, как и у Адама, другого дома не было и не будет. Поэтому, не желая оскорбить сестру, он тщательно ухаживал за домом.

Дом Челси был совсем другим. Это был дом Тревиса Леонарда. Грязная посуда скапливалась в раковине и ждала, пока ее вымоет Адам, независимо от того, кто ею пользовался, ковер был покрыт пятнами, а углы потолка украшала паутина. В ванной известковый налет и плесень достигли такой толщины, что их можно было счищать стамеской, а летом с потолка свисала длинная клейкая лента, покрытая мертвыми насекомыми.

Челси заботилась о змеях и крысах, чистила их клетки, но на остальное не обращала внимания. Сама она всегда выглядела безупречно – кто-то мог подумать, что ее внешность портят многочисленные татуировки и пирсинг, но это дело вкуса, а каждый дюйм ее тела, от волос до зубов, был ухожен и доведен до совершенства.

То же самое, что и с домом. Вы не можете это оставить, а просто берете с собой в другие места. В тридцать девять Челси была больше похожа на себя семнадцатилетнюю, чем ей хотелось бы. Воплощение упорядоченной красоты в доме хаоса, который принадлежит заключенному.

Она не спрашивала Адама о полиции. Не спрашивала о Рейчел. Вообще ни о чем не спрашивала. Она выслушает его, когда он захочет, или принудит рассказать, когда ей будет нужно, но не будет настаивать раньше времени.

Адам подождал, пока вечерние тени не удлинились настолько, что он перестал различать свернутые кольцами тела и дрожащие языки внутри матовых пластмассовых труб, потом выскользнул из-под Челси и оделся. Она открыла глаза и стала наблюдать за ним.

– Ты вернешься?

Адам кивнул.

– Я должна знать, куда ты собрался?

Он покачал головой.

Тогда Челси отвернулась. И не оторвала взгляда от изголовья кровати, когда он вышел из ванной и с ключами от машин в руке направился к двери. Адам не поехал к дому на Шедоу-Вуд до захода солнца по единственной причине: он понимал, что там будет полиция. Теперь можно было надеяться, что они закончили обследовать это место. В их распоряжении был весь день, и репортеры уже успели надиктовать новостные материалы, а фотографы – сделать снимки. После наступления темноты – именно в это время она туда пришла – все должны были уже уехать. По крайней мере, Адам на это надеялся. В противном случае возникнет неловкая ситуация, но ему нужно самому увидеть это место. Увидеть, куда он ее отправил.

Это было недалеко. Дорога шла на северо-восток от города, петляла вдоль озера Эри, затем поворачивала на юг, в лес. Еще через шесть миль Адам заметил дорожный указатель – в последний момент, так что едва успел нажать на тормоз и свернуть на гравийную дорогу. Шедоу-Вуд-лейн. Старая табличка с надписью ЧАСТНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ и отверстиями от пуль калибра .22.

Возможно, раньше это было популярное место отдыха, но те времена давно миновали. Адам с трудом мог представить, что даже летом сюда приезжал кто-то, кроме пьяниц из числа «белой швали», желавших повеселиться подальше от глаз полиции. На поверхности озера плавали листья, южный берег зарос рогозом, уже сухим, а вдоль северного берега выстроились коттеджи. Им было лет пятьдесят, и красили их один раз, после постройки. Веранды покосились, а каждый, кто рискнул бы пройти по ним босиком, рисковал собрать столько заноз, что ему позавидовал бы дикобраз. Адам остановил машину и пешком пошел по заросшей тропинке к противоположному берегу; в руке он держал фонарик, но не включил его – в сумерках он видел все, что нужно. По спине пробежал холодок, не имевший отношения к ветру, – Адам представил, как этой же тропинкой в это же место шла Рейчел Бонд. Боялась ли она? Конечно. Но она была исполнена решимости. И храбрости. И вооружена адресом.

Будь ты проклят, Адам. Будь ты проклят. Будь ты проклят.

Найти нужный коттедж не составило труда – на него указывали оставленная полицией лента и висающие замки. Адам обошел крыльцо, но не стал подниматься, а положил ладони на старое дерево перил, перегнулся через них и посмотрел на дверь, прислушиваясь к шуму ветра, который шевелил нижние ветки разросшегося болиголова на крыше; этот звук напоминал шарканье метлы по дощатому полу.

Здесь она умерла.

Сюда он ее послал.

Адам долго смотрел на дверь, гадая, встретили ли ее на пороге, или ей пришлось постучать. Колебалась ли она? Может, даже попыталась уйти? Сколько времени ей понадобилось, чтобы осознать, какую ужасную ошибку она совершила?

Какую ужасную ошибку ты совершил. Эта твоя ошибка, Адам. Признай это. Прими.

Он отвернулся от двери, с усилием выдохнул и посмотрел на озеро. Потом достал сигарету и закурил, позволив ветру сдувать дым ему в лицо, так что слезились глаза. Выкурив половину сигареты, бросил ее на землю, вдавил каблуком и обошел коттедж. Домик был заперт, но полиция не заколотила окна. Глупо, конечно, они обязаны были это сделать – или, по крайней мере, повесить светонепроницаемые шторы, – но ему это помогло. При свете фонарика он сумел рассмотреть обе спальни, большую часть маленькой гостиной и смежной с ней ванны, а также всю кухню.

Дом оказался пустым. Абсолютно пустым – не было даже одеял на кроватях. Если полицейские не забрали всё с собой, то он был пустым и тогда, когда сюда пришла она. Значит, ей не оставили времени, чтобы убежать. Для нее все закончилось быстро. По крайней мере, отчасти. Шанс спастись. Его быстро не стало.

Адам вернулся к крыльцу и принялся разглядывать остальные коттеджи. Они располагались близко: два из них не дальше пятнадцати метров, а все пять вытянулись вдоль берега

метров на шестьдесят. Крик без труда проник бы через их тонкие, как бумага, стены. Но это не имело значения, потому что коттеджи пустовали. Похоже, здесь никого не было, когда она пришла. Ловушка.

Он не сообщил ей адрес. Она должна была узнать его сама. Я должен был его узнать.

Письма были всего лишь игрой.

«Возможно, он не такой уж терпеливый, – сказал Солтер. – Возможно, когда она появилась на его пороге, он заторопился».

В холодной тишине Адам выкурил еще одну сигарету, а затем ушел, чтобы приступить к делу.

11

За первые два года после гибели дочери Хэнк Остин поправился на двадцать килограммов. Банка пива после обеда превратилась в упаковку из двенадцати банок. По утрам кофе сменила «Кровавая Мэри». Полпачки сигарет в день превратились в две пачки, ломтик пиццы – в шесть ломтиков и так далее. Его жизнь можно было определить одним словом: излишества. Сердечный приступ настиг его в августе во второй половине дня, когда на сорокоградусной жаре Хэнк решил вручную ошкурить веранду.

Когда Адам нашел его, то испытал некоторое облегчение – помимо горя и стыда. Отец не смог пережить потерю, но был не настолько слаб, чтобы бежать от нее. Он оказался чуть-чуть сильнее. Самую малость.

Тогда Адаму было двадцать два и он работал в Кливленде в агентстве по надзору. Один семестр в Университете штата Огайо превратился в туманные воспоминания. Кент учился на втором курсе колледжа и был стартовым квотербеком в небольшом, но сильном клубе. Адам по-прежнему жил дома, если это можно назвать словом «жил». Спал время от времени. Обычно днем, когда родители отсутствовали. На охоту он выходил, как правило, ночью. Это нравилось начальнику и устраивало Адама. Он был ночным существом.

После смерти отца мать переехала в квартиру. По предложению Адама. «Ты здесь несчастна, – сказал он ей. – Тебя окружает слишком много страданий. Ты это знаешь».

Она согласилась. Переехала в квартиру неподалеку от банка, в котором работала, а Адам остался в доме. Мать прожила там девять лет, после чего у нее случился первый инсульт, а через месяц – второй, и последние четыре года она провела в доме престарелых. Дом остался Адаму и Кенту; Адам заказал три независимые оценки, а затем предложил брату половину среднего – справедливую, по его мнению, цену.

Кент не взял денег. Сказал, что им нужно продать дом, но не ради денег, а ради того, чтобы жить дальше. Адам отказался. Каждый месяц он оправлял брату чек на сумму, которую считал половиной арендной платы. Каждый месяц чек возвращался непогашенным.

После смерти отца и переезда матери Адам вернул комнате сестры прежний вид. Хэнк Остин был непреклонен – в тот день, когда нашли тело Мэри и неизбежность стала фактом, он начал убирать ее вещи, в полной тишине, если не считать треска скотча и редких всхлипов.

Адам понимал и саму идею, и ее тщетность. Идея соблазнительная, но безнадежная. Невозможно спрятать ее в коробки и опечатать их.

Коробки отправились на чердак над гаражом. Время от времени Адам пробирался туда и осторожно перебирал вещи сестры, вдыхая ее запах и удивляясь, как тот мог так долго сохраниться. В такие моменты он был с ней наедине, чувствовал близость к ней, как нигде больше, и был уверен, что она здесь, с ним, что она каким-то образом знает и ценит это. Они немного говорили друг с другом. Поначалу Адам долго не выдерживал – слезы приходили слишком быстро. Со временем стало легче. Он часто просил прощения – слишком часто для нее, и Адам знал это, но не мог остановиться – и делился новостями. Рассказывал о каждом беглеце, которого выследил, о всех, кто сбежал из-под залога и пытался спрятаться. Он нашел всех, он был необыкновенно упорным, и его босс в Кливленде уже поговаривал о том, чтобы передать ему бизнес, но Адам хотел вернуться домой. Хотел жить в округе Чамберс.

Об этом они тоже говорили. Возможно, ему нужно было совсем другое, возможно, ему нужно было *уехать*. Хотя в конечном счете это тоже не выход. Его дом остался здесь, на Бич-стрит в городе Чамберс в штате Огайо. В том, чтобы уехать из города, были свои преимущества – в других местах его не преследовали бы любопытные взгляды, он не слышал бы перешептывания у себя за спиной, и никто ничего не вспоминал бы, потому что не знал. Иногда это казалось таким прекрасным, таким желанным, что Адам едва не поддавался. Нет, он не сбе-

жит, и в этом все дело. А взгляды, шепот, воспоминания? Он их заслужил. Это необходимые напоминания, словно иголки в сердце, которые не давали забыть, заставляли сосредоточиться. Он оставался здесь ради искупления. Да, это больно, но от этого невозможно убежать.

Он дал обещание – там, на чердаке, в окружении коробок со свидетельствами исчезнувшей жизни. Он намеревался сохранить их.

Когда дом перешел к нему и никто не мог возразить против небольшой перестановки, Адам вернул Мэри. Это был мучительный процесс. С большими предметами проблем не возникло – он помнил, где они стояли; но когда дело доходило до мелочей – расстановка книг на полках, плакаты на стенах, – ему приходилось останавливаться, думать, а иногда просто спрашивать ее согласия, извиняться и ставить вещи на те места, которые он считал подходящими. Адам не обращал особого внимания на детали, когда у него была такая возможность, но не сомневался, что Мэри поняла его и простила.

Когда все было готово, когда он повесил ее объявление на дверь – последний штрих, – то почувствовал себя лучше, чем когда-либо за все эти годы. Ее не спрячут в коробки, не забудут.

Кент не мог этого понять. Это была серьезная ссора, предпоследняя перед окончательным разрывом. Он пришел, увидел комнату и сказал, что это безумие, что Адаму нужна помощь, что он должен научиться жить дальше, а то, что он сделал, вовсе не дань памяти Мэри. Тут они были абсолютно не согласны друг с другом. Затем последовал визит Кента к Гидеону Пирсу. Адам узнал о нем из газет. Он явился к Кенту домой, о чем всегда будет жалеть. Этого не должно было произойти в присутствии Бет. Та ссора закончилась кровью. С тех пор они держались на тщательно выверенном расстоянии.

Адам знал, что Мэри это не нравилось, но не понимал, как все исправить. Может, со временем. А может, это нельзя исправить.

Адам вернулся с Шедоу-Вуд-лейн трезвый и сосредоточенный. Он выпил стакан воды из-под крана, прополоскал рот, пытаясь избавиться от привкуса сигарет, затем набрал полную грудь воздуха и поднялся по лестнице к комнате сестры. Два раза постучал. Выдержал паузу. Повернул ручку, открыл дверь и вошел, а затем захлопнул за собой дверь.

Двухспальная кровать в углу, накрытая белым пледом, недавно сменившим розовый, который был с сестрой почти все детство, – еще один шаг к зрелости, отказ от всего, что напоминало о маленькой девочке. Из комнаты исчезли плюшевые игрушки, а их место заняло цветное стекло и свечи. В коллекция фигурок из цветного стекла профессиональные работы соседствовали с ее собственными произведениями. Мэри влюбилась в цветное стекло в летнем лагере и начала ходить на занятия. Ее любимицей была гигантская черепаха с разноцветным панцирем; Мэри выплавляла и вырезала черепаху сама, но красивая фигурка была слишком велика, чтобы висеть в окне, и ее пришлось поставить на книжную полку под окном, где она точно так же сверкала в лучах света. Мэри назвала черепаху Тито. Никто не знал почему, и она была этим довольна.

Другим увлечением сестры в тот последний год были свечи – постоянная причина споров с отцом, что раньше случалось редко. Она была «папиной дочкой», старалась не сердить его, но он был убежден, что с этими свечами Мэри рано или поздно сожжет дом. На ее последнее Рождество Кент с Адамом подарили ей набор настенных свечей с зеркалами. Свечи освещали всю комнату и отражались в цветном стекле, отбрасывая причудливые блики. Мэри их очень любила.

Адам по очереди зажег все свечи. Всего в комнате их было тридцать три, от маленьких для чайной церемонии до массивной свечи в виде пня, которая трещала, как полено в камине. Поначалу он сомневался, стоит ли их зажигать, понимая, что рано или поздно они сгорят и их потребуется заменить, а ему не хотелось менять то, что было ей дорого. Но она любила, когда они горели, любила этот мерцающий свет и густую смесь запахов, и Адам решил, что так лучше.

Потом он сел на пол, прислонившись спиной к стене, лицом к кровати, как в те вечера, когда она звала его, чтобы поговорить, или когда он врывался без разрешения, чтобы позлить ее. Мэри этого не любила – отсюда записка на двери, – и это его еще больше развлекало. Услышав, что она говорит по телефону, он стремглав мчался к ее двери, распахивал ее и громко говорил первое, что приходило в голову, пытаясь смутить ее.

Мэри, звонил врач и просил передать, что грибок пальцев ног заразен.

Мэри, ты оставила в ванной свой спортивный бюстгальтер.

Мэри, папа сердится, что ты опять утащила его порножурнал.

Крик возмущения и ярости, потом в него летела туфля, книга или еще что-то, что попало под руку, потом на помощь призывался отец. Хэнк Остин поднимался по лестнице и выдворял сына – иногда с улыбкой, иногда с явным раздражением, в зависимости от настроения. Потом Мэри захлопывала дверь, но не запирала ее – в доме Остинов запираяться было не принято, – а когда наконец выходила из своей спальни, Адам смотрел на нее и улыбался. Она старалась не поддаться его обаянию, старалась изо всех сил, но всегда таяла. Сестра не умела долго злиться.

Он сидел на полу и смотрел на кровать, вспоминая, как перебрасывался с ней футбольным мячом и дразнил, расспрашивая об отношениях с мальчиками, – в ответ она краснела и яростно отвергала любые предположения. Он шутил насчет того, чтобы сопровождать ее на танцы и сидеть позади нее в кино. Заботливый старший брат, такова была его роль, и он прекрасно справлялся с ней.

До того, самого главного вечера.

– Привет, – сказал Адам пустой комнате. Ответом ему была тишина. Среди цветного стекла горели свечи, отбрасывая разноцветные блики. – Мне нужно кое-что тебе рассказать. Неприятное. Дело плохо, Мэри, но я собираюсь все исправить. Обещаю. Я все исправлю.

Голос его стал хриплым, и ему это не понравилось. Пришлось сделать паузу. Ему хотелось выпить, но он никогда не пил в этой комнате. Ни разу. Немного успокоившись, Адам продолжил:

– Сначала хорошие новости, ладно? Кент выиграл. Они непобедимы. Они должны попытаться счастья, Мэри, обязательно.

Он всегда рассказывал, как дела у Кента, сообщал счет каждого матча, и это возвращение к обычной жизни немного помогало. Ему становилось легче дышать, голос не срывался.

– Ну вот, – продолжил Адам. – Теперь я расскажу остальное. Что я сделал – и что собираюсь сделать, чтобы это исправить.

Он опустил голову и заговорил, обращаясь к освещенному свечами полу. Рассказал все, что знал, затем еще раз попросил прощения – так было и так будет всегда, – потом встал и по очереди задул свечи. Когда погасла последняя свеча и комната погрузилась в темноту, он вышел, закрыл за собой дверь и поехал к матери Рейчел Бонд.

12

Адам думал, что девушка с ярким лаком на ногтях росла в каком-нибудь красивом и безопасном месте. Когда он увидел обшарпанный многоквартирный дом, в котором обитали двое из его теперешних клиентов и бесчисленное количество прошлых, то поначалу удивился. Потом вспомнил, почему девушка пришла к нему – ее отец уже много лет сидел в тюрьме, и ничто не указывало, что она из обеспеченной семьи, – и понял, что снова делает то, что не должен. Превращает Рейчел Бонд в Мэри-Линн Остин.

Перед дверью дома стоял фургон одного из новостных каналов из Кливленда, но сотрудники, похоже, загружали в него свое оборудование. Адам приоткрыл окно и курил, пока они не уехали. Затем вышел из «Джипа» и направился к двери, твердо намеренный выполнить обещание.

Наверное, она уже слышала много обещаний. Но не таких, как его.

Первой реакцией на стук был крик:

– Сказала же, что нам больше не о чем говорить!

– Я не репортер, миссис Бонд.

После небольшой паузы из-за двери послышались шаги, потом лязг отодвигаемого засова. Дверь открылась, и маленькая собачка – дворняжка с черной блестящей шерстью – выскочила за порог и ткнулась носом в джинсы Адама. Над собачкой возвышалась Пенни Гути, худая изможденная блондинка с темными кругами вокруг глаз. На ней были джинсы и белый свитер, на который налипла собачья шерсть. Позади нее Адам заметил открытую бутылку пива на кофейном столике, дымящуюся сигарету в пепельнице рядом с бутылкой, а на диване – потертый плед и гигантского плюшевого пингвина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.